

Прежде чем я умру

Автор:

[Лука Каримова](#)

Прежде чем я умру

Лука Каримова

В мире людей их называют ангелы и демоны. Между Келестис – обителью Светлых и Нижней Аидой – Смерть поддерживает баланс. Из Келестис в мир людей приходят ангелы, каждый из них становится хранителем человеческой души, но и темные не дремлют. Они обосновались в Москве на Тверской в элитном бизнес центре, и никто из смертных не догадывается с кем им приходится соседствовать. По коридорам Верхней Аиды бегают бесы-курьеры, демоницы-секретари болтают по телефонам, суккубы примеряют внешности звезд, а руководит этим вертепом – ифрит. Ян не худший из ангелов, но и не стремится к свету, а наоборот – всячески противится ему. Откуда же он мог знать, что в подопечные ему достанется Лука?! Но на этом приключения героев не заканчиваются. У Канцлера Подземного мира свои планы насчет души мальчишки и ангел ему не помеха...

« – Я хочу быть спутницей вашей жизни!

– У меня уже есть спутница. Ее имя одиночество. Я всегда был одинок, даже когда думал, что рядом со мной те, кто меня любит».

«Игры со смертью могут быть захватывающими. Кажется, что ты постиг и обуздал ее... ан-нет! У смерти припасено много секретов, которые будоражат воображение...»

Наталья Солнцева

Пролог

Флоренция XV век

Чародей Храфн путешествовал с дочерью по всей Европе. Они переживали окружающих людей, и лишь их глаза выдавали истинный возраст, ведь обладающие магией люди – практически не старели. Во время очередного странствия они приняли решение обосноваться во Флоренции.

Храфн обустроил новое жилище, наполнил большую залу книгами и манускриптами. Эвика вращалась в кругах знати, и однажды на нее обратил внимание герцог Максимилиан. Это был высокий и статный мужчина, с темными волосами, смугловатой кожей и карими глазами. Его особняк находился за городом, где раз в году происходил самый помпезный и роскошный карнавал. В дом герцога мечтали попасть люди из всех слоев общества: дворяне из-за власти, купцы ради связей в высшем свете, мастера гильдий чтобы поставлять свою продукцию в высшее общество, бедняги ради работы ибо по слухам, Максимилиан хорошо платил, но лишь избранным удавалось там побывать. Кто-то говорил, что близок с герцогом, кто-то – что часто завтракает с ним, но все было ложью. Этот загадочный мужчина не любил общение, и людям оставалось только гадать, чем он занимается.

И лишь Эвика пленила его сердце. Он приглашал ее на прогулки, устраивал пикники в своих садах, дарил столько роз, что порой девушке некуда было их ставить. С некоторой безучастностью она принимала ухаживания герцога и держала дистанцию. Храфн молча наблюдал. Власть и богатство Максимилиана его не привлекали. Чародей ощущал веяние некой силы, исходящее от мужчины, вьющегося подобно лиане вокруг дочери. Храфну хотелось узнать, в чем состоит тайна этого человека в черных одеждах.

Возможность попасть во владения герцога представилась в ночь ежегодного маскарада. Пока хозяин развлекал новоприбывших гостей, Храфн применил чары и незаметно прошел вглубь дома. Там, в подвалах, чувствовалось биение темной магии.

Винные бочки тянулись вдоль каменных стен, по которым стекали едва заметные ручейки воды. Пахло сыростью... и серой.

«Я чувствую, здесь что-то есть...» – он стал метаться среди бочек, шаря ладонями по стенам, и только за статуей плачущего ангела заметил одинокое железное кольцо для факела. Предчувствие не подвело Храфна, коснувшись кольца, он почувствовал, как по его телу пробежала дрожь энергии: «Здесь...». Он повернул кольцо, и перед ним открылся тайный проход.

Храфн проверил место на наличие защитных чар и ловушек. Запах серы усилился, к нему примешался еще один, но чародей не смог разобрать какой, и двинулся по тускло освещенному коридору к неровным ступеням.

Жар, холод, огонь и крики боли – вот что услышал Храфн, подойдя к железной решетке. Дверь с легким скрипом поддалась, и он вошел в небольшой зал с низким каменным потолком. По углам располагались два деревянных стола с кожаными ремнями и железными перекладинами сверху и снизу. Пара ведер, глубокая ванна со странной черной жидкостью, от которой исходил запах серы.

Быстро исследовав пространство, Храфн двинулся дальше. «Это похоже на лабораторию» – он приметил несколько стеклянных колб на столе и идеально чистые хирургические инструменты.

По привычке Храфн всегда носил с собой пару пустых пузырьков для зелий. Вытащив один, он наполнил его алой жидкостью, перелив ее из колбы, а другой пузырек с большой осторожностью погрузил в ванну.

За спиной раздался непонятный хруст. Стена, на которую смотрел чародей, была завешана гардиной. Могло показаться, что она висит просто для красоты, но стоило чародею отвести ткань в сторону, сердце его сжалось.

Пространство скрытой комнаты было заставлено клетками. Какие-то из них были пусты, но самые дальние... в них Храфн увидел жизнь. Там находились два странных создания. Одно из них спало, повернувшись к чародею спиной, другое сидело в углу, медленно раскачиваясь взад-вперед, словно умалишенное. Именно оно и издало тот хруст. Одна его рука оказалась длиннее и мускулистее другой, черные когти вспороли землю под ногами. Клыки во рту заострились, а

один из глаз затянулся черной пеленой...

Существо заметило Храфна и подняло на него странные глаза. Рот оскалился в кривой ухмылке.

– Ты видишь, что он сделал с нами? – прошипело создание, осмыслено глядя на гостя нормальным глазом.

– Кто вы? – Храфн коснулся железных прутьев.

– Совсем недавно я был демоном. А теперь... не знаю, с каждым днем моя память растворяется в черной крови, которой он поил меня, вливал в мои жилы. Я чувствую жажду, боль. Мои силы скованны, а разум леденеет... Я перестаю быть собой и превращаюсь...

Он не успел договорить. Его сосед перевернулся на своей койке, и Храфн едва сдержал крик.

Перед ним предстало точно такое же существо, которое убило Рогнеду.

Та же дьявольская улыбка, та же тьма...

– Беги, пока он не нашел тебя, – прошипел узник, кидаясь к прутьям клетки. – Максимилиан хочет добраться до твоей силы...

Храфн метнулся прочь из подземелья: «Как я был слеп, надеялся сбежать и спрятаться, не вышло, он нашел нас! Мне нужно найти Эвику!» Оказавшись в зале с танцующими парами, чародей наконец-то увидел герцога и свою дочь. Они прекрасно смотрелись вместе, но этот человек оказался монстром от которого они все это время пытались сбежать.

Музыка стихла, все заплотировали. Эвика подошла к отцу. Герцог по-хозяйски положил руку ей на талию, как если бы они уже были женаты. Чародей с трудом взял себя в руки и с улыбкой проговорил:

– Дорогая, ты еще не устала? Мне кажется, мы уже утомили герцога.

– Ну что вы, не говорите чепухи. Я готов хоть всю ночь напролет танцевать с вашей дочерью, – его губы коснулись ее руки в легком поцелуе.

Храфна передернуло, но он сделал вид, что у него заболела голова.

– А мне вот что-то нездоровится, – он коснулся виска, поморщился. – Должно быть, ваше отменное вино ударило в голову.

Девушка тут же оказалась рядом с отцом, выскользнув из рук герцога.

– Максимилиан, я полагаю, в нашей жизни – это не последний бал. Да и час уже поздний, – она лучезарно улыбнулась мужчине.

– Да, безусловно... – с нотками разочарования ответил хозяин.

К нему подошел слуга и что-то шепнул на ухо. Храфн заметил, что один глаз слуги заволокло черной пеленой. «Они повсюду...» – он сжал руку дочери.

– Прошу меня простить, дела... Очень был рад видеть вас в своих владениях, – он позволил себе еще раз поцеловать Эвике руку и, раскланявшись, удалился со слугой в сторону коридора.

Как только Максимилиан скрылся, Храфн схватил Эвику за руку и, не говоря ни слова, направился быстрым шагом к выходу.

Только отъехав от замка на приличное расстояние, чародей смог спокойно перевести дух.

– Что случилось? – с беспокойством спросила Эвика, касаясь его горячей ладони.

– Мы покидаем Флоренцию. Сегодня же... И больше сюда не вернемся.

Эвика хотела еще что-то сказать, но промолчала. Сложив руки на коленях, она устремила взгляд холодных глаз в сторону холмов, мимо которых они проезжали.

Собрав все необходимые вещи, Храфн рассчитал слуг, предварительно стерев им память об их с Эвикой жизни и сел в карету. Чародею плохо давалось перемещение в пространстве, боясь потерять дочь во время телепортации он решил покинуть Флоренцию как обычные дворяне – каретой. Храфн прикинул, что экипаж можно продать на ближайшем постоялом дворе и двинуться дальше верхом.

Карета быстро двигалась по размытой лесной дороге. Кучеру хорошо заплатили, чтобы он не задавал лишних вопросов и гнал во весь дух. Эвика куталась в плащ, стараясь согреться. Прикосновение горячей отцовской руки помогло ей не дрожать от холода, пробирающего до самых костей. Вдалеке послышалось карканье ворона, и нечто тяжелое упало на крышу кареты, оставив глубокую вмятину. Храфн хотел высунуться в окно, но Эвика не дала ему этого сделать, удержав за руку.

Она прошептала:

– Не двигайся...

Во внезапно наступившей тишине дверца резко открылась, и в карету ворвался сильный порыв ветра.

Черная когтистая рука схватила Эвику за руку и потащила наружу, девушка дернулась назад и вскрикнула от боли, по ее руке потекли струйки крови. Храфн стиснул зубы до скрипа, и в его ладонях заискрился энергетический шар, который он запустил в противника. Напавший, как паук, отцепился от дверцы кареты, исчезнув среди черных деревьев.

Эвику швырнуло обратно на сиденье, и карета помчалась еще быстрее; коней специально подгоняли, и за деревьями показался длинный мост.

Оторвав от подола платья длинный лоскут, девушка обмотала им руку: было очень больно, но она молчала, не выказав ни намека на слабость. Чародей хотел закрыть дверцу, но внутрь впрыгнул темный, он скалился в широкой улыбке до ушей, демонстрируя ряд острых зубов.

Монстр пихнул чародея в стенку, и карета накренилась, едва не перевернувшись.

– Мы нашли их... нашли... – прошипело существо, ни к кому не обращаясь.

Оно потянулось когтями к обмотанному запястью Эвики, чтобы сомкнуть на нем когти и телепортироваться к Максимилиану, но девушка выхватила из складок платья тонкий стилет и вонзила в сердце врага.

Черное пятно растеклось по плащу монстра, но он даже не вскрикнул, в его затаенных черной пеленой глазах не отразилось никаких эмоций.

Воспользовавшись его замешательством, Храфн уперся о потолок с полом, и толкнул темного ногой в грудь, тот вылетел из кареты, с хрустом ударившись о ствол дерева.

С трудом закрыв дверцу, чародей выглянул в окно: трое монстров, все в черном, с ужасающими улыбками на лицах. Эти тени Максимилиана преследовали их, пока копыта лошадей не застучали по деревянному мосту, отбивая частую дробь. Еще несколько прыжков, и они набросились бы на карету, если бы их не остановил незнакомец, облаченный в такой же черный плащ.

Луцио видел, что чародея настигали. «Они кидаются на карету, словно бешеные псы, – демон поправил капюшон на голове, закрыв лицо повязкой. – Я слегка опоздал к началу действия, но у меня все еще есть время избавиться от них». Он спрыгнул с ветки дерева на крышу кареты. В руке блеснул меч, рассекая грудную клетку первого нападавшего. Черная кровь забрызгала плащ. Вторая тварь кинулась к нему и рывком скинула его на землю, а ее собрат уже забрался в карету.

Тогда-то демон и увидел девушку: ее фарфорово-белая кожа едва заметно светилась в сгущающихся сумерках, а длинные иссиня-черные волосы развивались от сильного ветра. Больше всего демона заворожили бирюзовые, как море, и очень холодные глаза. В этот момент в монстра полетел энергетический шар и отбросил его в сторону деревьев, а девушка исчезла в глубине кареты. Следующая тень оказалась проворнее, но чародей вытолкнул ее ногами.

Лошади ускорили бег. «Они почти подъехали к мосту...» – промелькнуло у демона в голове. В этот момент на него бросился темный, но Луцио ловко отсек ему голову.

– Констант, с тебя причитается за испачканную одежду, – сказал в пустоту демон, прыгая с ветки на ветку и быстро подбираясь к карете, за которой устремились остальные слуги Максимилиана. Луцио убил оставшихся троих без потерь для себя. Напоследок он увидел высунувшуюся из окошка кареты чародейку, ее глаза сверкнули, но она была спокойна, внимательно глядя на Луцио.

Карета благополучно уехала. Демон столкнул тела тварей, в пропасть под мостом: «Покойтесь с миром, братья».

Как только от них отстали, а карету со всех сторон обступила тьма лесной чащи, чародей смог перевести дух. Эвика отодвинулась от окошка, задернув шторку, и глубоко вздохнула. Запах хвои, шедший от деревьев, ее успокаивал.

Кучер, как ни в чем не бывало, продолжал гнать лошадей благодаря чарам, которые Храфн наложил на него, мужчина ничего не видел, кроме дороги, и не слышал, кроме собственного посвистывания и топота копыт. Так спокойно проехали еще какое-то время, пока чародей не нарушил молчание:

– Они больше не преследуют нас.

Эвика сделала глоток воды из серебряной фляжки и протянула руку отцу, чтобы тот залечил ее.

– Нам кто-то помог... – осторожно проговорила она. – Не знаю, кто это был.

«Я видела лишь его голубые глаза. Демон-помощник – это что-то новое».

Храфну потребовалось немного больше времени, чем он ожидал, чтобы залечить рану; он задумчиво отложил окровавленную салфетку, которой промокнул следы когтей.

– Эти создания не обладают ядом, но очень странно, что твоя кожа не хочет заживать, как раньше. Храфн думал: «Неужели Максимилиан добился такого ошеломляющего результата? Сделал так, что раны, нанесенные его тенями, делают наши тела такими же, как у обычных смертных. У людей один жалкий порез затягивается пару недель, а здесь всё серьезнее...».

– Если все так, как я думаю, то Максимилиан зашел в своих экспериментах еще дальше, чем я предполагал, – Храфн наложил лечебную мазь и как следует перебинтовал руку. – Тебе придется походить так с месяц, если не больше.

Но на лице дочери была маска равнодушия.

Они добрались до постоянного двора глубокой ночью. Кучер тут же договорился об обмене превосходной кареты на пару свежих лошадей, и пока их приводили в порядок на конюшне, Эвика и Храфн ужинали в таверне. К их столику подошел хозяин заведения и почти шепотом обратился к Храфну:

– С вами хочет побеседовать один господин... – он указал в левый угол с уединенным столиком, огороженным ширмой и освещаемым лишь одной свечой.

Храфн кивнул, и когда трактирщик удалился, перевел взгляд на дочь, которая разглядывала принесенную бутылку с вином, в зеленоватом стекле отражался тот самый укромный уголок

– Я быстро, – шепнул отец.

Девушка взялась за бокал, сделав крошечный глоток сладковатого напитка.

За ширмой действительно ожидал мужчина, облаченный в длинный дорожный плащ с капюшоном, скрывающим лицо. По энергии, исходящей от него, чародей понял – это вампир, чистокровный, древний и могущественный. Их силы были практически равны.

– Не ожидал, что ты проявишь ко мне интерес так скоро, – спокойно сказал Храфн, присаживаясь напротив и глядя в лицо, скрытое тенью. – Приветствую тебя, Ингрид.

Капюшон откинулся назад, и в чародея впился ледяной взгляд светло-серых, почти белых глаз:

– И я тебя, Храфн.

«Здесь небезопасно говорить...» – вампир обратился к собеседнику мысленно.

Впервые за долгое время чародей позволил себе усмехнуться: «Поэтому ты оповестил хозяина таверны о том, что хочешь со мной переговорить? Может, рассказал бы заодно и всему постоянному двору?»

«Смотрю, ни смерть супруги, ни преследование Максимилиана не сбили с тебя спесь».

Чародей проигнорировал колкость: «Итак, раз теперь нас никто не слышит, изложи суть и побыстрее, я не хочу оставлять дочь надолго одну и ворковать с тобой в этом темном углу, как парочка голубков».

Смех Ингрида был ответом: «Конечно. Безопасность твоей дочери превыше всего. Когда-то мы уже встречались. И я помню, что ты спас одного из моих сыновей от смерти».

Храфн вспомнил тот случай на охоте: он услышал детский голос в глубине лесной чащи. Это оказался мальчишка лет десяти, с тёмными вьющимися волосами и большими темно-зелеными глазами. Над ним нависло странное создание в черном: руки-когти этого существа были в багровой крови ребенка. Из-за высоко поднятого ворота плаща и капюшона лица нападавшего не было видно, но Храфн ощутил темную энергию. Все, что у него было при себе – лук со стрелами и кинжал, для разделки животного. «Я не могу воспользоваться своей силой, иначе останется свидетель», – думал Храфн, а в это время существо замахнулось острыми, как бритва, когтями, намереваясь снести мальчику голову... но отшатнулось назад: из его груди торчала длинная стрела. На землю закапала кровь, очень похожая на смолу. Темный вырвал стрелу и поднял голову на Храфна, стоящего на холме.

– Не вмешивайся, человек... – шепот, заставляющий ощутить ледяной страх, донесся до чародея.

Храфн отмахнулся от этого ощущения и пустил новую стрелу. Она прошла через плечо противника насквозь, врезавшись в ствол дерева. После чего чародей бросился на темного с кинжалом, но тот успел отразить атаку, махнув когтями в миллиметре от лица мужчины.

«Еще немного, и я мог остаться без глаз», – Храфн заметил, как раненый мальчик отполз в сторону, упав между кустами можжевельника без сознания и тем самым давая Храфну возможность наконец-то использовать магию.

– Я не буду спрашивать, кто ты и зачем пришел, – холодно проговорил он, выставляя перед собой кинжал и отражая очередной выпад. – Видно, что ты темный, но ранить дитя!

«Если я буду сражаться на близком расстоянии, он заденет меня, возможно, его когти отравлены. Нельзя рисковать», – чародей стал быстро собирать энергию в руках, заключая ее в сталь кинжала.

Темный решил не церемониться и избавившись от очередной стрелы атаковал, вытянув руку с когтями. Раздался громкий свист, и вместо поверженного чародея на землю упал черный кусок плоти, отдаленно напоминающий сердце: почерневший и обуглившийся.

– Не с тем человеком ты связался, – произнес Храфн.

В кустах зашелестело; обернувшись, чародей увидел мертвенно-бледное личико ребенка. Кинувшись к мальчику, он осмотрел глубокие раны, из которых не переставала сочиться кровь: «Настоями такое невозможно залечить, его порезали, как бумагу».

– Придется тебе закрыть глаза и потерпеть, – прошептал Храфн, устроив голову раненого на своих коленях.

Ребенок послушно закрыл тускнеющие с каждой секундой глаза, сжал потрескавшиеся разбитые губы и приготовился к боли.

Сняв с себя перчатки и растерев ладони, Храфн провел ими над детской грудной клеткой, шепча заклинание:

– Мать моя Земля, дай мне силу исцелить это дитя...

Ветер всколыхнул листву, зашелестели ветки могучих дубов, земля вокруг чародея нагрелась и обдала теплым воздухом из своих недр. Зеленоватый свет заструился от пальцев Храфна и перетек на глубокие раны: мальчик дернулся и всхлипнул, по его бледным щекам потекли слезы. Чародей продолжил водить ладонями над ранами, пока они полностью не затянулись. Он представлял, как вернется домой, где его встретит любящая жена: «Хорошие мысли несут светлую энергию, а это быстрее исцеляет». Через несколько минут на груди мальчика остались белесые шрамы. Храфн с облегчением вздохнул, пока не заметил, как из-за деревьев вышел высокий мужчина. Его ледяные глаза были полны ужаса, а бескровные губы раскрылись, обнажив острые клыки. На мгновение чародею показалось, что вампир кинется на него и убьет, но он подошел к ним, опустил на колени и положил ладонь на лоб мальчика: так Храфн спас Вайореля, первенца Ингрида.

Треск поленьев в камине отвлек обоих от воспоминаний. «И какое же тебе до меня дело?» – Храфн прищурился.

«Я готов встать на защиту твоей жизни. Я догадываюсь, куда ты держишь путь, и хочу отплатить добром за добро».

«Благородство твое похвально, но ты мне ничего не должен. Когда-то я спас твоего сына, но не более. Я в состоянии защитить себя и дочь. Мне не нужны помощники и защитники. Или ты не знаешь, что бывает с теми, кто стремится мне помогать?! Их ожидает смерть».

«Ты всегда был жутким упрямцем, но недооцениваешь способности вампиров, – разозлился Ингрид. – Мы – древние создания, и не слабее твоих врагов. Я проведу вас в царство вампиров, куда Максимилиану нет хода».

Храфн призадумался. Он знал, что Ингрид обитает в королевстве, отдаленно похожем на северную страну[1 - Норвегия]. Древние вампиры смогли раздвинуть завесу миров и открыли новый, заселив его и оградив незримой стеной. И сейчас

Ингрид предлагал ему самое безопасное место, какое могло быть.

«Я никому не доверяю, и с чего вдруг должен довериться тебе?! Ты ведь не хочешь раскрыть истинные причины того, почему решил встать на мою сторону?» – отрезал колдун, собираясь уйти. «Без правды не бывает никакого договору».

«Да, ты прав, и я расскажу, – остановил его вампир. – Максимилиан преследует мою семью, надеясь истребить нас всех. Тогда, на поляне, он приказал убить моего сына, чтобы у меня не было продолжения рода. Он тот, кто убил мою жену, когда она родила четвертого наследника. Он знает. Мы – чистокровные и древние вампиры, если соберемся вместе одним кланом, то будем для него угрозой, потому что мы гораздо сильнее его порождений. Но ты и так знаешь, что он делает в своей лаборатории, как мучает, пытается демонов, ифритов, всех кто попадет под руку. Экспериментирует с их кровью, разделяет тела, создавая непобедимых солдат».

Все это Храфн знал и с содроганием вспоминал, как бродил по лаборатории, как видел боль и страх в глазах пленных подопытных, ожидающих неизбежной кончины.

«Хорошо. Ты убедил меня. Я собирался обосноваться в Норвегии, там моя родина. И насколько я помню самая тонкая граница между твоим королевством и миром людей».

Ингрид убрал длинную прядь за ухо, на миг став похожим не на вампира, а на эльфа: «Не стоит тратить времени на дорогу. Мы воспользуемся порталом, и вы сможете остаться в моем замке. Так будет безопаснее».

Храфн согласно кивнул. Как только провизия была готова, они втроем оседлали лошадей и выдвинулись с постоялого двора по широкой дороге. Их ждали сказочные места, окруженные горами, озерами. Через несколько дней пути они выехали на истоптанную другими всадниками тропу. Слишком спокойное путешествие напрягало Храфна, чародей никак не мог расслабиться. «Дождь давно прошел, и земля подсохла, но на ней заметны следы схватки», – он перевел настороженный взгляд на вампира. Ингрид остановился и поднял руку, чтобы Эвика оставалась в седле. Чародей и вампир спешили и подошли к небольшой поляне, скрытой за деревьями.

Они осторожно изучили место, где виднелись следы боя.

– Их было пятеро, не больше, – вампир нагнулся к странным рытвинам в затвердевшей земле. – Ночью ударили заморозки, но схватка случилась несколько часов назад. Это без сомнения его слуги... Следы от когтей.

Храфн обошел поляну кругом и показал Ингриду свою перчатку, на которой поблескивала черная кровь.

– Такая же была на нашей карете.

Вампир настороженно обвел взглядом местность, прислушиваясь; глубоко вдохнув витавшие вокруг запахи, он поморщился:

– Они идут за нами по пятам, но, видимо, каждый раз их кто-то останавливает, не давая возможности напасть. Причем орудует очень профессионально, – Ингрид указал на лоскут кожаного плаща. – Специально оторвали и кинули.

Храфн вытер перчатку о ствол дерева:

– У нас нет никаких телохранителей, да и ты не таскаешь за собой отряд ассасинов.

«Кто же решил нам помочь, уж не тот ли демон, о котором говорила дочь?»

– В любом случае не будем здесь задерживаться, – поторопил чародей.

Оседлав коней, они двинулись в путь и уже без приключений, изредка останавливаясь, чтобы дать животным передохнуть, добрались до гор. Ночью, устроившись вокруг огня, когда Эвика задремала, положив голову на колени отца, Ингрид начал мысленный разговор:

«Ты мог обратиться за помощью к светлым, но не сделал этого. Почему?» – вампир поворошил поленья в костре толстой палкой.

«Я уже говорил, что никому не доверяю. А светлые, если бы я был им нужен, могли сами предложить помощь, от которой я бы все равно отказался. Они

заняты вечной борьбой с Тьмой и не вмешиваются в людские дела, если те не затрагивают их интересы напрямую».

«Согласен. И все же... ты подумал о том, что будет с Эвикой, если Максимилиан доберется до тебя? Как ты тогда ее защитишь?»

После этого Храфн надолго замолчал, раздумывая над вопросами, которые задал ему Ингрид. Чародей оперся о ствол дерева и глубоко вдохнул чистый морозный воздух. Через пару минут он раскрыл затуманенные видением глаза и с усмешкой ответил:

– У нее будет защитник – твой сын.

От такого вампир чуть не поперхнулся кровью из фляги.

– Мы почти на месте, держитесь ко мне поближе, чтобы не затеряться в переходе миров, – скомандовал Ингрид и провел перед собой ладонью.

Окружающий лес не изменился, но над тропой появилось едва уловимое, расплывчатое марево. Оно разрасталось по мере их приближения. Храфн не ощутил ничего похожего с телепортацией, когда они незаметно прошли сквозь портал. По ту сторону на земле лежал снег, морозный воздух быстро наполнил легкие, остро запахло хвоей. Они стояли в царстве вампиров. Мир людей остался позади, а с ним и преследователи Максимилиана.

Позже им встретилась группа всадников, облаченных в черные блестящие доспехи. Глаза большинства рыцарей были багрового цвета, они склонили головы перед своим Повелителем, и тот молча поприветствовал их. С коней спрыгнули два статных, высоких и широкоплечих воина, они подошли к Ингриду и сняли шлемы.

– Отец, наконец-то вы вернулись, – обратился к нему вампир с черными, собранными в хвост волосами.

– Мы ждали вас два дня назад и очень беспокоились, – хмурясь, сказал другой.

Эти двое были похожи, разве что у второго каштановые волосы острижены до плеч и торчали в разные стороны.

Ингрид похлопал вампиров по плечам:

– Вайорель, Маркус, мои сыновья, я рад вас видеть, – он обнял их. – Храфн, представляю тебе старших принцев. – «Первый обязан тебе жизнью».

Чародей кивнул в знак приветствия и коснулся поводьев лошади, на которой восседала Эвика. Внимательно оглядел вампиров и понял, что они уже давно прошли обряд крови.

– А это моя дочь Эвика.

Девушка сняла капюшон с головы, и оба вампира резко вздохнули, в их глазах плескалась жажда, но они умело ее сдерживали и учтиво склонили головы. Атмосфера накалилась, Храфн чувствовал голодное напряжение в душах воинов.

«Прошу прощения за это. Во время моего отсутствия им запрещалось покидать стены замка, охотиться и питаться».

– Думаю, нам стоит оставить церемонии до лучших времен, все устали и нуждаются в отдыхе, – сказал Ингрид, и воины двинулись за ним.

Вайорель и Маркус проводили взглядом удаляющуюся Эвику и, не говоря ни слова, поспешили за отцом.

Замок вампиров располагался на возвышении, окруженный с одной стороны обрывом, а с другой густым лесом. По утрам и вечерам вампиры нагоняли туман, и замок погружался в воздушную пелену, словно паря над землей и скалами. Из облаков виднелось множество высоких башен, до бойниц и окон которых, казалось, невозможно добраться без крыльев. Крепкие стены, неподвластные воздействию разрушительных чар, украшали острые парапеты и статуи горгулий. Архитектурные изыски внутренних дворов и галерей поражали. Вампиры не скупилась на богатые убранства комнат и залов.

Гостей тут же проводили в правое крыло замка, разместив с большим уютом и комфортом.

Впервые за долгое время Эвика смогла принять горячую ванну. Лежа в кристально чистой воде с лепестками роз, она сосредоточилась на том, чтобы не уснуть. В камине жарко горел огонь, постепенно отогревая комнату. Вампирам не бывает холодно, поэтому отопление дали только в этой части замка.

Никто не помогал девушке мыть голову или облачаться в ночную сорочку, она привыкла все делать сама. И даже во Флоренции, живя в роскоши, мало кому из служанок позволяла прикасаться к себе. Оставив свечу зажженной, она опустила на мягкую подушку; аромат трав и свежего постельного белья усыплял не хуже горячей воды, и уже через мгновение она крепко спала.

Ни на следующее утро, ни вечером, ни даже через день Эвика не проснулась, но осмотр лекаря-вампира быстро успокоил чародея.

– В ней почти не осталось сил, она потратила всю себя на защиту, удивительно, как смогла добраться сюда.

За лекарем стояли Ингрид со старшими сыновьями, вид у всех был озадаченный. Они-то могли пополнить силы, испив крови, а что делать с девушкой?

– Скоро ли она очнется? – Храфн нежно погладил холодную руку дочери.

– Трудно сказать, пока полностью не восстановится, вы видите, чего ей это стоило, – лекарь потянул за рукав ночнушки, обнажив запястья до локтей: на нежной коже были багровые синяки и глубокие порезы, то же самое оказалось и на плечах.

Чародей едва сдержал крик боли: «Она никогда ни о чем таком не говорила, терпела ради моего спокойствия, носила в себе эту боль».

– Даже лечебные мази не смогут это исправить, – вампир приподнял голову девушки и влил ей в рот какую-то жидкость. Прозрачные струйки потекли по горлу. – Это не даст ей умереть от истощения, пока она будет спать. Время лечит, остается только ждать.

Когда они покидали спальню, Ингрид заметил странный блеск в глазах старшего сына.

День ото дня Храфн стал замечать улучшения в состоянии дочери, некоторые синяки проходили, порезы затягивались, оставляя после себя едва заметные полосы. Если бы он знал то, что знала Эвика...

«Тепло и уютно, совсем не хочется просыпаться...» Что-то нежное коснулось ее щеки, убрав прядь волос за ухо, пахнет розами. «Но откуда розы в такое время года...» – ей все же пришлось приоткрыть глаза, в кресле рядом с кроватью сидел вампир. В одной руке он держал книгу, между страниц которой был заложен кремовый бутон розы, а пальцами другой накручивал прядь длинных черных волос на палец. «Вайорель...» – свет померк.

В следующий раз она провела в сознании чуть больше минуты. Он снова был в комнате, но не рядом, а у камина, подбрасывая новые поленья в огонь: мирный треск объятого пламенем дерева, запах еловых веток и шум зимней вьюги за окном. «Вайорель...»

Что-то давило на грудь, и Эвика нехотя открыла глаза, увидев в миллиметре от своего лица Его...

Аметистового цвета глаза смотрели в ее бирюзовые с таким спокойствием, словно все, что происходило, было обычным: и его рука на ее талии, и эта появившаяся полуулыбка на тонких мужских губах. Их длинные волосы смешались, превратившись в одну черную волну. Вайорель помог ей приподняться, поудобнее устроив на подушках, и дал выпить воды.

– Давно ты приходишь? – тихо спросила Эвика.

Вампир взял ее за запястья и после тщательного осмотра ответил:

– Нужно было сделать это еще раньше. Синяки и раны быстро проходят, остались только на животе и бедрах.

Если бы она могла краснеть, то была бы как те алые розы, что стояли в вазе на подоконнике. Ее бросило в жар, перед глазами все поплыло.

– Не волнуйся, мне было необходимо понять, насколько сильно ты пострадала. Лекарь показал нам только твои руки и плечи, – успокоил ее вампир, убрав волосы с лица и промокнув горячий лоб холодным полотенцем.

– Спасибо... – едва слышно сказала Эвика, погружившись в забытье.

В комнату бесшумно вошел Ингрид, он давно подозревал старшего сына в ночных вылазках в эту часть замка.

– Как она? – он провел ладонью над телом девушки; в ее ауре все еще были бреши, да и цветом она напоминала серую тряпку, вместо того чтобы светиться чистой энергией. – Ты хорошо потрудился, впрочем, чего еще ждать от принца.

Годы непрерывного бегства от Максимилиана сказались на состоянии Эвики самым худшим образом. Сначала она приходила в сознание всего на несколько минут, затем чуть подольше, и каждый раз видела рядом Вайореля. Как он делился с ней своей силой, она не знала, но почему-то его прикосновения всегда были такими нежными и приятными...

Однажды вечером он застал ее принимающей ванну. Приоткрыв дверь, он увидел, как по женской спине и округлым бедрам стекает вода. Постанывая от боли, она медленно ступила на коврик и обернулась полотенцем. Дрожащей рукой взяла с зеркального столика гребень и хотела расчесать волосы, но едва не упала на пол, если бы не Вайорель. Подхватив ее за талию одной рукой, другой он подобрал с пола гребень.

– Нужно было попросить служанку, а не делать все самой. Ты все еще очень слаба, – строго сказал он, гневно сверкая глазами.

От влажной кожи пахло свежими яблоками, и это на миг затуманило его разум, заставив ощутить жажду крови, он уже был готов попробовать ее шею на вкус, когда почувствовал тонкие холодные пальцы на своей щеке.

– От старых привычек трудно избавиться, – хрипло сказала Эвика, едва улыбаясь. – Как и тебе...

Клыки громко клацнули, и Вайорель положил ее на кровать, укрыв одеялом. Пододвинув кресло, принялся медленно расчесывать мокрые волосы, пока те совсем не высохли.

Ей снился сон, как она босиком бежала через лес, а за нею кто-то гнался. Страх заставлял мчаться, сердце отбивало гулкий стук в ушах, под ногами хрустели и ломались сухие ветки деревьев, и вот из-за высоких сосен показался двухэтажный дом. На застекленном крыльце сидела девочка-подросток с длинными белыми волосами, один ее глаз изумрудный, другой – словно кусочек льда. По земле потянуло холодным туманом, а девочка уже стояла перед ней, держа за руку. Губы ее шевелились, но Эвика не могла понять, что та говорит, пока не ощутила, как маленькие ногти незнакомки впиваются в ее запястье, как пульсирует вена и течет кровь. «Больно...»

Эвика открыла глаза и застонала от боли, сердце колотилось, и она со страхом посмотрела на Вайореля: окровавленные губы, острые клыки и ее надкушенное, как спелое яблоко, запястье.

– Прости... я не удержался, – он лизнул крохотные ранки на белоснежной коже, и те быстро затянулись.

Чародейка хотела ударить его, но он аккуратно перехватил ее руку и привлек к себе. Эвике хватило всего мига, чтобы понять, в каком плачевном состоянии находится ее магическая сила, она абсолютно опустошена. Столько лет бегства от Максимилиана, никакой нормальной жизни, одна сплошная жертвенность. Слабость породила жалость к самой себе; воспоминания о смерти матери, боль утраты прежней жизни, до сих пор запечатанные, вырвались наружу, заставив Эвику пронзительно закричать, так, что стекла в спальне задрожали. Находишься рядом с ней простой человек, он мог бы оглохнуть на всю жизнь, но вампир только крепче сжал ее в своих объятьях. Трясущейся от неудержимых слез и скулящей ее впервые увидев ворвавшийся в спальню Храфн. Эта картина заставила чародея схватиться за сердце – так болезненно оно сжалось. Ингрид был рядом, он положил руку на плечо друга.

«Оставь их. Она должна выплакаться».

Храфн закрыл лицо руками и покинул комнату. Ингрид скрыл довольную улыбку, внимательно посмотрев на старшего сына, но принц словно и не замечал никого,

нежно глядя Эвику по голове...

– Впервые за долгое время чувствую себя отдохнувшей, – чародейка бродила по замку, ощущая покой каждой частичкой своего восстановленного тела.

Уже месяц как она совершала длительные прогулки, оправившись от ран и восстановив ауру. Но по-прежнему старалась не пользоваться магической силой.

Выйдя в небольшой дворик с парой скамеек и фонтаном, в котором слабо плескалась вода, заливая серую фигуру ворона, девушка встала у широкой арки, из которой открывался вид на изумрудный лес. Внизу была пропасть и, если бы Эвика захотела туда упасть, стоило сделать лишь шаг. Держась рукой за стену, она подняла ногу и... чьи-то сильные руки сжали ее талию:

– Не стоит приближаться к краю, иначе ветер может смахнуть тебя, как перышко.

Она медленно обернулась. Черные волосы Вайореля развевались на ветру. Из-под кожаной куртки выбилась рубашка, обнажив кусочек безволосой груди, а в ухе покачивалась серьга в виде капли рубина.

– Не ждала твоего возвращения так скоро, – она погладила меховой воротник и коснулась губами открытой шеи, заставив вампира вздрогнуть, а затем блаженно закрыть глаза, запустив руку в иссиня-черные волосы Эвики, которые он пропустил сквозь пальцы. словно холодный шелк.

– Сегодня убили еще несколько суриров[2 - Сурир (франц.) – улыбка, усмешка.], но не на нашей территории, а ближе к горам. Не первый раз они рыщут в тех местах...

– Максимилиан хочет избавиться не только от людей, но и от вампиров. Сейчас, пока он не нашел меня с отцом, у него есть другие заботы, – она накручивала прядь волос на палец, но они стояли так близко, что было непонятно, чьи именно волосы.

– Сегодня в лесу будет гулянье. Соберутся вампиры из разных мест, я хотел бы послушать, как ты поешь.

Эвика усмехнулась и покачала головой:

– Ваши женщины поют не хуже, к чему мне отнимать у них внимание.

Вайорель сжал ее плечи и заглянул в бирюзовые глаза:

– Мое внимание уже давно сосредоточено на тебе одной.

– Ты принц, а я...

– Тоже принцесса, не забывай, кто твой отец. Он не из простой семьи, и лучшей невесты для меня не существует.

Шум фонтана заглушил звук удаляющихся шагов, но Вайорель не придавал этому значения. За ними не впервые подглядывали разные слуги и придворные.

Ингрид был только рад такому союзу, а Храфн принимал любое решение дочери. Иметь в зятях вампира лучше, чем простого смертного, который не сможет ее защитить. О свадьбе никто не упоминал, но вечернее торжество говорило само за себя: на нем, по древнему обряду вампиров, обрученные должны были испить кровь друг друга.

В лесу разожгли высокие костры, разместив рядом с ними шатры, где гостям подавали зачарованные Храфном напитки из смеси вина и животной крови с пряным вкусом. Церемония должна пройти на деревянном настиле, который установили на реке. В разгар веселья вампирши прыгали через костер, распевая древние песни о богах и героях, им аккомпанировали барабаны и другие музыкальные инструменты.

Расправив складки изумрудного платья, которое Ингрид лично преподнес ей в качестве подарка, Эвика посмотрела на настил, где стояли он и Вайорель.

Подводя дочь к вампирам, Храфн попробовал заглянуть в будущее, но ничего не увидел. «Возможно, время еще не пришло...». Однако слова Смерти никогда не

покидали его: «Все те, кто станет тебе помогать – умрут».

Эвика встала напротив Вайореля и взяла его за руку. Барабаны отбивали медленный ритм, заиграли флейты, и одна из старших вампирш запела спокойную песню.

– Согласен ли ты, Вайорель, принц рода Древних вампиров, вручить свою жизнь и душу в руки чародейки Эвики, носительницы древней магии? Быть ей верным супругом и отцом будущих наследников? Быть единым целым с ней? – Ингрид зачитал слова клятвы и взял протянутый Храфном кинжал.

– Согласен, – жадно смотря в глаза Эвики, ответил вампир.

– Согласна ли ты, чародейка Эвика, носительница древней магии, вручить свою жизнь и душу в руки Вайореля, принца рода Древних вампиров? Быть ему верной супругой и матерью будущих наследников? Быть единым целым с ним?

– Согласна.

Они вытянули запястья вперед, чтобы Ингрид сделал два одинаковых пореза. Когда кровь закапала на настил, Вайорел прижал Эвику к своей груди и коснулся губами ее запястья, сделав несколько глотков. Девушка сделала то же самое, облизнув губы, а затем поцеловала мужа.

– Союз заключен! – вампиры одобрительно зааплодировали.

Храфн хотел перевязать руку дочери, но Вайорель опередил его, облизнув рану, и та вмиг затянулась.

– Теперь это его забота, – усмехнулся Ингрид, похлопав чародея по плечу.

Эвика не захотела остаться на гулянья и петь для всех, Вайорель не настаивал, а вот некоторые гости решили попросить об этом, к чародейке даже подбежала молоденькая вампирша. Непринужденно схватив девушку за запястье, она уставилась на нее широко раскрытыми глазами и стала жалобно просить спеть, но Эвика вежливо отказала, ощутив, как больно запястью, ногти вампирши оставили там новые порезы.

Пара удалилась в замок, а Ингрид с Храфном остались стоять у реки с кубками в руках.

– А ты морочил мне голову. Выбрала! Да еще именно того, кого ты спас от смерти. Считай, сам избрал себе зятя, – усмехнулся вампир.

– От судьбы не уйдешь, – пожал плечами чародей. Если бы не беспокойство о будущем, быть может, он искренне порадовался за дочь, но грустные мысли ни на минуту не покидали его, преследуя, словно страх мыши, которую скоро поймает кот.

Поднимаясь по ступенькам в спальню, Эвика почувствовала, как на нее навалилась болезненная тяжесть. Силуэт шедшего впереди Вайореля размылся, а грудь болезненно сжало. Перед глазами возник образ этого замка, охваченного огнем, вокруг множество дьявольских улыбок, черная кровь, ее собственные руки в ней, а на земле – куски вампирских тел.

– Эвика! —ее затрясли. Она лежала на ступенях, в висках болезненно пульсировало, во рту – железный привкус крови, а щека отчего-то мокрая. Коснувшись, она увидела на ладони что-то бурое... «Кровь?!»

– Что случилось? – поддерживаемая надежными руками, она встала и уткнулась в грудь вампира.

– Ты внезапно упала в обморок.

– У меня было видение, – она поморщилась и взглянула на запястье, несколько порезов увеличились и кровоточили, а кожу вокруг словно обожгли огнем. Вайорель схватил руку, и, принявшись, злобно зарычал. Таким злым Эвика его никогда не видела. Уложив жену на кровать, он припал к запястью и большими глотками пил ее кровь – так долго, что она потеряла сознание.

Очнулась чародейка только утром, и если бы Вайорель не додумался выкинуть в окно зажженные на подносе травы, ее бы стошнило.

– Лекарь сказал, что это заставит крепко уснуть, только вижу, что скорее наоборот, – он помог ей подняться и дал напиток. – Тебя отравили, еще

несколько минут, и ты могла бы умереть, но я выпил весь яд, а от большой кровопотери ты была без сознания всю ночь.

Эвика тяжело вздохнула и посмотрела на перебинтованное запястье.

– Яд не дал мне залечить порезы, поэтому я смазал их специальной мазью. Не помнишь, кто к тебе вчера притрагивался?

Девушка уткнулась ему в шею и вдохнула ставший родным аромат леса, в котором Вайорель охотился:

– Была молодая вампирша, но она лишь взяла меня за руку...

– Этого хватило. Мне этот яд не страшен, а тебе, как человеку, много не понадобилось, – он нахмурился и поцеловал ее в лоб, пробуя температуру. – Не выношу все эти сборища и теперь прекрасно понимаю, почему Сирил предпочитает им посиделки в библиотеке с книгами. Когда-то нам с Маркусом нравилось как следует напиться, протанцевать с хорошенькой вампиршей, мы постоянно веселились у костра, играли на инструментах. А вот Блейза пока что не пускают, он мал для взрослых утех.

Сирил был средним принцем: молчаливый юноша с длинными волосами мышиного цвета и бледной кожей; вместо охоты и увеселений он тратил время на знания и колдовство. В основном с ним общался Храфн, делаясь магическим опытом и участь чему-то новому. Младший Блейз был копией Вайореля, и если бы у Эвики родился сын, то он оказался бы как две капли воды похожим на Блейза.

– Видимо, у этой вампирши была причина. Кажется, я заняла ее место.

– Да, к сожалению, ревность у вампирш зашкаливает, приводя порой к уничтожению соперниц, а этой вообще не светит с кем-либо из принцев связать свою судьбу.

В лесной чаще, на холме, возвышался старинный замок. Владения принадлежали роду Инглингов, и Храфну было приятно вернуться в родные места. Замок находился в запустении и сильно обветшал: пол под ногами мог провалиться в

любую минуту, а камни стен – с шумом осыпаться.

– Да, настоящие хоромы ты себе присмотрел для убежища! – сдерживая смех, проговорил Ингрид, осматриваясь и скаля клыки.

Эвика прошла вдоль стен, обойдя то, что когда-то было величественной залой для приема гостей, прикоснулась ладонью к остаткам разбитой каминной полки, обломки валялись на пыльном полу.

Чародей и вампир поразились, увидев, с какой легкостью девушка подняла тяжелый кусок от стены и установила его на прежнее место. Ее бирюзовые глаза неестественно заблестели, а на виске запульсировала венка, после чего девушка упала на колени, ободрав ладони о мелкую крошку и тяжело дыша.

Ингрид хотел помочь ей, но Храфн остановил его:

– Не прикасайся к ней, иначе сам потеряешь силу. Прикосновением, поцелуем она может выпить часть той энергии, которую потратила на серьезное колдовство.

– Дочь чародея, унаследовавшая невероятные способности от отца и его предков, нуждается в подпитке, словно вампир в крови, – Ингрид призадумался. – И давно это у нее?

– Она не всегда может контролировать свою силу, как чародейка, с детства я ставлю барьер на ее способностях, чтобы они ее не прикончили. Чем меньше она колдует, тем здоровее выглядит. Даже я не обладаю той силой, что дремлет в ней.

По вечерам, когда Вайорель с воинами отправлялся на охоту за сурирами, Эвика с отцом сидели у камина. Девушка делила карты Таро на Старшие и Младшие арканы, последними они с отцом играли. Карты были заказаны еще во Флоренции у одного итальянского живописца. Но у Эвики была вторая колода, исключительно для гадания.

– Итак, что нас ожидает завтра утром? – Храфн вытянул ноги к полыхающему огню.

Порой, не смотря ни на какую магию, по замку все равно гуляли сквозняки. Чародей предполагал, что это из-за вампирского тумана.

Эвика вытащила из кармана другую колоду карт и быстро перетасовала. На стол легли: Колесо Фортуны, перевернутая Двойка Мечей и Рыцарь Пентаклей.

Задумчиво побарабанив ногтями по столешнице, девушка подняла на отца взгляд и спокойно ответила:

– Перемены к лучшему, возможность немного расслабиться и... гость, а точнее, двое гостей, – на ее губах появилась теплая улыбка, она предвидела будущее. Храфну редко когда доводилось видеть дочь улыбающейся.

На следующее утро к ним на завтрак зашел Ингрид, вместе с ним был Блейз.

– Доброе утро. Этот сорванец учуял запах твоего ягодного пирога и решил испортить себе аппетит, – вампир положил руку на худенькое плечико ребенка.

– Но, отец, так вкусно пахнет... – пробурчал себе под нос младший принц, после чего подошел к Эвике и поцеловал ее руку. – Приветствую Вас, госпожа.

Чародейка мягко улыбнулась, сделав реверанс, и предложила гостям пройти в кабинет, где их ждало вино. Стены здесь были обиты панелями из вишневого дерева, а под потолком висела кованая люстра. На чистом полу расстелен восточный ковер, выуженный Эвикой из чулана и приведённый в порядок. Часть стены заполняли книжные стеллажи с томами старинных книг, которые Храфн телепортировал из своей флорентийской библиотеки. Массивный письменный стол расположен рядом с окном, закрытым тяжелой гардиной. В камине полыхал огонь.

Мужчины опустили в кресла; между ними стоял круглый столик с кувшином и кубками. Эвика недавно очистила серебро от налета древности, а сейчас подогрела вино.

Ингрид сделал глоток напитка и блаженно закатил глаза:

– Либо ты заколдовала вино так, что оно стало напоминать кровь, либо я чего-то не понимаю, но на вкус потрясающе, впрочем, как и то, что было на вашей с Вайорелем церемонии. Чувствую, как мое тело насыщается, будто я действительно пью кровь, но при этом остается вкус вина и пряностей.

Блейз потянулся к бокалу отца, но тот сурово на него посмотрел.

– Тебе еще рано, только после обряда.

Мальчик быстро опустил глаза, вид у него был расстроенным.

– Твой супруг приказал ни одному вампиру, кроме нас, не появляться в этом крыле. Враги окружают со всех сторон, неизвестно кто может оказаться предателем, но я рад, что ты так умело ведешь хозяйство и со всем можешь справиться. Иметь в невестках способную постоять за себя девушку, да еще отличную хозяйку, – дорогого стоит, а вот моим вассалам не повезло, дочери-вампириши палец о палец не ударят, только слуг зовут, а ведь если бы не ты, Вайорель так бы и остался холостяком.

– Да, она с детства самостоятельная. Все сама. Я благодарен тебе, Ингрид, но боюсь, что даже Вайорелю не защитит ее от Максимилиана, и вскоре ты сам пожалеешь о том, что согласился помогать нам.

Храфн ощутил, как на плечо легла заботливая рука дочери. «Она всегда чувствует мое настроение... Что бы я делал без нее, кто, как не она, позаботилась об уюте и комфорте? Облазила все чердаки, нашла старинные вещи, привела их в порядок, при этом даже не используя магию, все своими нежными руками. Растопила печь в кухне, договорилась с вампирами, чтобы те привозили нам продукты».

– Отец, я вас оставляю, у меня есть незаконченные дела, и Блейзу необходимо позавтракать, – она кивнула на мальчика, щеки которого тут же зарумянились.

– Конечно, ступай. Ингрид, ты ведь не против? – Храфн наполнил свой кубок вином.

Вампир покачал головой и махнул рукой:

– Ни в коем разе, ступай, сын, и веди себя учтиво.

Блейз склонил голову, и они с Эвикой удалились, оставив мужчин наедине. Тишину кабинета нарушал лишь треск поленьев, объятых огнем.

Ингрид сделал еще один глоток, и по его горлу потекла теплая жидкость, оставляя приятный вкус и наполняя тело энергией.

– Маленький рыцарь. Он тоже будет ее защитником, – Храфн сделал глубокий вдох и закрыл глаза. – Пройдет время, он вырастет, а обряд крови довершит формирующуюся в нем силу – это неизбежно.

– Ты прав. Но, честно говоря, я предполагал и другой вариант развития событий. Ведь у них с Вайорелем могут быть дети...

– Если бы все было так просто, мой друг. Детей не будет, возможно только один, но не сразу и не скоро. Магия, данная чародеям, всегда отнимает что-то взамен. Быть может, от того, сколько ее в Эвике, она даже не сможет подарить тебе внука, а Вайорелю сына, но кто знает. Не забывай, что Смерть бродит за нами по пятам...

Ингрид со звоном поставил кубок на стол:

– Смерть, смерть! Она всегда рядом. Я знаю, что ты видишь будущее, и я мог бы узнать свое собственное от тебя, но я не хочу этого делать. И, честно говоря, мне страшно знать больше, чем я сам могу предположить, как, например, собственную смерть или смерть сыновей...

– Мы все проживем еще какое-то время, но та жизнь, что была у нас до сих пор, —самое ценное. У каждого есть воспоминания, моменты счастья, которые стоило пережить, и это прекрасно, – Храфн вспомнил встречу с Рогнедой, каким счастливым она его сделала и какую дочь подарила. – У нас чудесные дети, мы живем ради них, но вечная жизнь не так привлекательна, как нам бы того хотелось.

Ингрид согласно кивнул:

– Пусть они чаще проводят время вместе. Разве ты не видел, каким взглядом твоя дочь смотрит на Блейза, когда он занимается с Маркусом верховой ездой или сидит с Сирилом за древними рунами? Она такая же женщина, как и все. Ей нужен домашний очаг, а не все это колдовство, но она не выбирала свою судьбу, и будь я на ее месте, проклял бы такого отца за его магическую силу, которая мешает стать матерью.

– Я и сам себя порой ненавижу, ведь из-за меня убили Рогнеду, а дочь потеряла мать и лишилась нормальной спокойной жизни.

– Будущее переменчиво, ты все равно не в силах увидеть все... Даже будущее врага. – Они некоторое время помолчали, а затем Ингрид сменил тему: – Как ты сумел узнать, что во Флоренции был именно Максимилиан?

– Впервые я услышал его имя от темного, когда суриры напали на нас в Исландии, – встав с кресла, Храфн взял кочергу и поворошил угли в камине, подбросив несколько сухих поленьев. – Сопоставив некоторые факты и одно и то же имя во Флоренции, я понял, кем был тот герцог, который так ухлестывал за Эвикой. Его темная энергия бродила по подвалам злосчастного особняка, где проходил бал, и я никогда не забуду тот смрад, что был в его лаборатории... – он вернул кочергу на подставку. – Ингрид, я уже предупреждал тебя, что ты можешь умереть, всю твою семью сотрут с лица земли, оставив один прах!

– Пока будущее не обрело четкой картины, вы останетесь здесь, не забывай. Твоя дочь более тебе не принадлежит. Я давно принял решение, ещё в то время, когда этот монстр убил мою жену, а ты спас Вайореля – все это имеет свой вес в нашем выборе и случилось не просто так. Я не отступлюсь, мы обязаны уничтожить его вместе с экспериментами.

– Ты слишком много работаешь, – рука дочери коснулась его огрубевших пальцев.

Он погладил ее по голове. Сейчас она была так похожа на мать. Ему вспомнилось, как они с Рогнедой гуляли возле холодного моря, солоноватые капли которого всегда оставались на лице жены. Ее улыбка, смех...

Очнулся Храфн на рассвете. В камине тлели угли. Эвики не было рядом. Но по замку, пробиваясь сквозь щели, распространялся аромат свежего хлеба и лился ручейком женский голос, напевающий скандинавскую песню.

Пока Ингрид и Храфн занимались тем, чтобы обезопасить их от Максимилиана и его слуг, Эвика благополучно коротала время с Блейзом и его братьями. Не было и дня, чтобы мальчик не находился рядом со своей госпожой. Она помогала им с Сирилом в учебе, а иногда тренировалась с Вайорелем и Маркусом во владении оружием: у нее был богатый опыт, и она с легкостью могла отбивать атаки.

Расположившись в башне и занимаясь рукоделием, Эвика полностью погружалась в собственные мысли, скользя пальцами по пряже и слушая мирный стрекот прялки. Блейз сидел рядом с Сирилом на скамеечке у камина и вслух читал книгу, стараясь не смотреть на умиротворенное лицо Эвики. Но порой даже он замечал, какой грустной была чародейка.

«И снова время, но теперь в кругу друзей, среди тех, кто будет проживать с тобой вечность на равных», – но предчувствие беды не покидало чародея ни на день. А когда Эвика начинала петь, Храфн переносился в дни, когда рядом была Рогнеда. Дочь очень на нее походила, и лишь в глубине ее глаз таилась печаль, от которой даже время не спасало.

Ночи он проводил в башне: помещение оборудовали под мастерскую и лабораторию. Храфн создавал свое творение – то, с помощью которого он сможет избавиться от Максимилиана: «Я покончу с экспериментами, которые ставит этот монстр, этот полукровка...».

И лишь однажды, смотрясь в зеркало, чародей заметил седину в бороде: «Неужели я утрачиваю свое бессмертие?! Моя энергия уходит в магический инструмент». Впервые после смерти Рогнеды он ощутил страх. «Эвику нужно защитить, у меня осталось не так много времени, но я должен успеть завершить работу».

Часть первая

Глава 1

Україна. Місто Бердичів

Время: 21:37

«За время ежегодных поездок в моей голове сформировалось четкое мнение о том, что вокзал – это именно то место, где я встречаюсь и расстаюсь с частью своей жизни...».

Лука взглянул своими голубыми глазами на группу пассажиров, расположившихся в зале ожидания:

«Удивительно, никогда бы не подумал, что буду писать эти строки, сидя на вокзале. Люди рассматривают прибывших пассажиров, но тут же забывают об увиденном, словно вокруг них никого нет. Они читают книги, листают журналы, слушают музыку, едва слышно разговаривают по мобильным телефонам. Самое печальное, что когда происходят важные события, я не всегда могу записать собственные мысли в блокнот. И они забываются».

Лу, сколько себя помнил, всегда отличался наблюдательностью: подмечал разные мелочи и детали не только в окружающих вещах, но и в людях, чем часто удивлял маму или бабушку.

Впервые общаясь с незнакомым человеком, он уже мог составить о нем своеобразное мнение, но на вопрос мамы «С чего ты это взял?» маленький Лука пожимал плечами. Он и сам не мог объяснить, просто чувствовал. Особенно хорошо ему удавалось понять что-то о тех, с кем случилось несчастье. Его интуиция развилась очень быстро, и вместе с тем он стал четко ощущать настроение человека.

Даже в детстве ему было интереснее общаться и слушать взрослых, чем играть со сверстниками. Они размазывали сопли по щекам, ломали очередную машинку или клянчили сладкое у родителей. Лука был особенным ребенком, и его мама это прекрасно понимала.

В отличие от других матерей, она не боялась брать четырехлетнего сына с собой в музеи, выставки или театр. Луиза всегда знала, что Лука – ее маленький Лукошко – как она ласково его называла, будет вести себя как настоящий джентльмен, не станет капризничать, плакать или о чем-то просить. Также она спокойно оставляла его одного дома, обложив книгами с разноцветными обложками. Однако детские сказки быстро наскучили мальчику.

В пять лет он уверенно разговаривал на итальянском, английском, украинском и, конечно, русском. Предпочитал читать книги про себя и очень не любил учить стихи, тем более рассказывать их взрослым. Публичные выступления пугали Луку, ему становилось не по себе, в таких случаях он обычно обнимал мать за ноги, уткнувшись в её колени, и молча глотал слезы. Женщина не настаивала, она и сама с горечью вспоминала, как ее в детском саду заставляли учить стихи.

Что касается внимания со стороны отца, то в детстве, будучи совсем крохой, Лу испытал к этому статному мужчине лишь страх и трепет. Что-то настораживало мальчика, но он старался не подавать вида. Мама говорила: «Тебе нечего бояться, кроме собственных ошибок». Казалось бы, не самые подходящие слова для пятилетнего ребенка, но Лука очень четко и ясно их осознал. Он всегда считал маму надежной защитой и опорой, верил, что она сможет помочь ему, поддержать, дать нужный совет.

Именно мама всегда занимала центральное положение в его жизни, а отец со временем стал мелькать где-то на заднем плане, утопая в делах. Кажется, что картины в отцовской галерее Лука видел чаще, чем самого папу, несмотря на то, что до определенного возраста именно Луцио возил сына на плавание, большой теннис, учил кататься на велосипеде и роликовых коньках.

Жить во Флоренции Лу нравилось больше, чем в Москве. Здесь все было по-другому, даже времена года. В то время как зимой в Москве снега насыпало по колено, в цветущем итальянском городе светило солнце или слегка накрапывал дождик. Во Флоренции они жили в просторной квартире недалеко от библиотеки и набережной Арно. Очень часто Лука с мамой переходили на противоположную сторону реки и гуляли в садах Боболи. Мама брала с собой засушенный хлеб, и они кормили уток в большом фонтане.

А потом родители решили развестись. Это прошло так спокойно и незаметно, что Лука даже не ощутил никаких изменений в их жизни. Главное, что он по-прежнему был с мамой. Конечно, его спрашивали, с кем он хотел остаться, и на эту небольшую формальность Лу ответил со свойственной ему серьезностью: «С мамой».

Ненадолго они перебрались к бабушке в Украину. Бердичев сразу понравился мальчику простотой и спокойствием, но он все равно скучал по Флоренции с ее архитектурой и сказочностью, как из волшебной истории.

Знакомство с домом бабушки и самой старушкой, видевшей его раз в жизни – когда он родился, было «аппетитным». Так это воспринимал мальчик. В доме всегда пахло чем-то вкусным: свежим хлебом, булочками с корицей, яблочными пирогами и разными сортами чая, особенно мятным. От старушки, кроме спокойствия и гармонии, исходил легкий цветочный аромат, хотя порой Лу точно не мог определить, чем же пахнет: скошенной травой, сеном, розами из цветника или же мелиссой, щедро высаженной вокруг дома.

В Бердичеве он пошел в школу. Шумных итальянских детей здесь заменили дружные бердичевские ребята. Лу неплохо находил общий язык со сверстниками и учился на «отлично». Со спокойной душой мама оставила его на попечение бабушки, чтобы вернуться в Италию.

С отцом он общался крайне редко, но на все праздники и окончание каждого класса получал дорогие подарки в красивой упаковке. Вначале он радовался, а затем пришел к выводу, что подарок – возможность откупиться от сына, чтобы тот не мешал отцу жить новой жизнью без него и мамы. Эта мысль послужила главной причиной неприязни Лу к отцу, однако он ни разу, даже в редких разговорах по телефону, не выразил недовольства. Впрочем, беседы их были короткими и сухими. Бабушка по этому поводу ничего не говорила, стараясь чем-то отвлечь внука, и Лука стал посещать музыкальную и художественную школы – это был его первый поход в городскую крепость «Собор босых Кармелитов».

Здание, словно из средневековых сказаний о рыцарях и ведьмаках, борющихся с темными силами, заставляло Лу с раскрытым ртом его разглядывать. От собора веяло загадочной и притягательной силой.

Тогда у Луки впервые ярко проявились необычные способности. Он начал четко видеть все плохое, будь то произошедшее событие в жизни прохожего или преподавательницы по живописи, схоронившей родственника.

Образы и видения мелькали перед его глазами цветными картинками, и что самое странное – это совсем не пугало – может, из-за богатого воображения или зачитанных до дыр книг фэнтези. Лу четко знал: он не такой, как все, и о своих способностях предпочитал не распространяться. Это давало пищу для размышлений, и со временем он начал вести дневник.

«Сегодня в автобусе мое внимание привлекла незнакомая женщина, на вид лет тридцати пяти. Ее поникшую фигуру облегал черный свитер, подчеркивая складки на животе. Изможденное, полное тоски лицо со свежей ссадиной на переносице рассказало мне о ее нелегкой жизни. В этом человеке я остро ощутил напряжение и страх, она была готова сорваться с места и сбежать от того, кто причинил ей боль. Именно это отражалось в глубине затравленных серых глаз. У неё на коленях ютился маленький тщедушный ребёнок – должно быть, не старше четырех лет. У матери и сына были коротко остриженные волосы – тонкие, как паутинки, пепельного цвета. Мальчик отрешенно смотрел в окно. Тогда-то чувства и нахлынули на меня, подобно волне. Я ощутил боль и страх, словно услышал эхо их израненных душ».

Скрип колесиков чемодана отвлек Луку от воспоминаний: он обвел взглядом полупустой зал ожидания.

«Выйди за рамки и дай себе волю», – выведя ручкой надпись, он убрал блокнот в рюкзак и устало потер виски. Бесцельно просидев целый час, Лука так и не выжал из головы ни одной идеи для новой заметки.

«Что-то ничего не получается. Ладно, вернусь домой – завтра будет новый день и новая пища для размышлений. Бабушка права: занимаясь творчеством, невозможно что-то из себя насильно выдавливать», – поднявшись с кресла, он перекинул рюкзак через плечо.

Ему нравилось гулять по ночному Бердичеву. Минуя близкие сердцу аллеи и центральную площадь, ночные кафе с веселыми компаниями людей, парк имени Тараса Шевченко, он думал: «Я никогда не видел себя живущим в большом и

шумном мегаполисе. Москва – это поглощающий энергию вампир». Поэтому Лу любил спокойный Бердичев. Звездное небо маленького городка было ближе его сердцу, чем исполинские высоты Москвы и ее быстрый ритм жизни.

Диктор оповестил о прибытии очередного поезда, и в зал ожидания вошел первый из пассажиров. Незнакомец остановился под аркой с часами и лениво осмотрелся. Его примечательная внешность привлекла внимание Луки.

Если бы в тот миг Лу знал, чем закончится эта встреча, он бы поторопился уйти, но пронизывающий взгляд серо-голубых глаз приковал его к полу.

Между бровей этого держащегося, как аристократ, парня был прочерчен усиливающий его недовольство тонкий шрам. Торчащие на макушке темно-русые волосы делали прическу слегка небрежной. Поверх черной футболки с ромбовидным вырезом висела тонкая цепь с крестом, а в мочке уха поблескивал серебряный «гвоздик».

За разглядыванием Лу не сразу понял, что его тоже изучают, а когда их взгляды встретились, лицо незнакомца приобрело агрессивные черты. Смутившись, Лука скрылся за дверью, покинув здание вокзала

Ступив в зал ожидания, Ян бегло осмотрелся, оценивая обстановку: тусклый свет ему никогда не нравился, создавалось впечатление, что находишься в больнице. Пыль, покрывающая толстым слоем тяжелые люстры, железные урны с пивными бутылками, из горлышек которых тянуло тошнотворной кислятиной. Растрескавшиеся плиты под ногами и желтые стены с облупившейся краской по углам, запах старости... «и нагло разглядывающий меня смертный», – мальчишка, как истукан, стоял в дверях и не сводил с него взгляда. «Сколько веков существую, а реакция всегда одна! Невежды!».

Ян нервно дернул съехавшую с плеча сумку и со злостью посмотрел на черноволосого паренька: «Дать бы тебе по морде за подобную дерзость, но, пожалуй, воздержусь. Я должен быть хорошим». Мысленно негодуя на обитель светлых и Старших архангелов, он вышел на улицу: «Нужно покурить».

Добираться от Москвы до Бердичева на поезде оказалось малопривлекательным путешествием, но приказ есть приказ, и он не посмел ослушаться архангела Михаила.

«Орущие дети, пьянчуги, храпящие мужики и ворчливые тетки в очереди в туалет. Все эти отвратительные запахи самого поезда и людей. Приятного мало, я скажу, – сверля злым взглядом ночное небо, он закурил сигарету, – забросили в провинцию. Будь добр, дружок, поезжай, как все смертные!».

До сих пор в ушах Яна звучал голос Михаила: «Ты прибудешь туда, как обычный человек – это необходимо». Ангел поморщился: «Да, конечно, попробуйте ехать в закрытом помещении, где душно и полно раздражающих тебя людей. Мне пришлось потратить время на изнуряющую поездку вместо того, чтобы нежиться под солнцем на Адриатическом море!». Ян специально не стал брать папку из библиотеки Келестис, с данными о назначенном ему подопечном: «Теперь может пройти масса времени, прежде чем я отыщу его и приступлю к выполнению своих обязанностей». Ему казалось, что так он досадит Старшим архангелам. Маленькая пакость и не более, жаль, она не принесла ему удовлетворения. С одной стороны, он позлорадствовал, а с другой – это ведь его подопечный нуждается в помощи.

С годами Ян стал амбициозным и эгоистичным. Все делал так, чтобы никто в Келестис не считал его жаждущим помогать смертным: «Быть светлым — как клеймо. Оно обязует меня делать лишь добрые дела, думать о благе других, что же в таком случае остается для себя? Нет уж, не в этой жизни! Я буду таким, какой есть. Вопреки остальным».

Со времен обучения в университете светлой обители Яну всегда доставалось больше других за его проступки. То он умудрился проникнуть в бордель на фабрике «Красный октябрь» и завести знакомства с демоницами и другими темными, то баловался черным колдовством, что было неслыханной дерзостью. Старшие архангелы пытались всячески пресекать подобные выходки. Наказывали, чтобы проучить молодого ангела за непотребное поведение. Однако кто бы что ни делал, Ян оставался при собственном мнении и жизненной позиции. Вместе с тем он удивлял преподавателей поразительной и цепкой памятью, тягой к знаниям, хоть и не всем, поскольку на некоторых лекциях попросту спал или вообще прогуливал, пока его честолюбивые одногруппники исписывали скрипучими перьями один свиток пергамента за другим.

Времени вступления в ранг ангела-хранителя многие светлые ждали с замиранием сердца. Но с финальным экзаменом в виде первого подопечного Ян справился идеально, в отличие от других новоиспеченных Хранителей. С последующими смертными все проходило хорошо, пока это не надоело самому ангелу. Он рассчитывал на то, что и в этот раз ему достанется девушка, уже представляя, какой она будет: «Умна и недурна собой – это точно» – он мечтательно улыбнулся. «А не как в прошлый раз, невменяемая особа, которую нужно было наставить на путь истинный – истеричка какая-то». Ян недовольно скривил губы: «Лучше бы я занимался чем-то другим, а не работал психологом таких убогих и сырых бабенок». За дерзкие мысли пара перьев на его крыльях почернели, Ян остро почувствовал боль, будто тонкая игла кольнула сердце. Простые смертные видели в нем привлекательного молодого человека, но никак не ангела.

Люди медленно брели со своими чемоданами и сумками к припаркованным на стоянке машинам. Ян докурил сигарету и подошел к желтому такси, чтобы его довезли до нового места жительства:

– Добрый вечер, уважаемый. Соборная площадь, дом двадцать четыре, корпус один, пожалуйста, – вежливо обратился он к водителю, прочитав адрес на кусочке пергамента.

– Залезай, – скомандовал мужчина, предусмотрительно открыв дверь. – Только я рублями не принимаю, гривны имеются?

Ян убрал бумажку в карман и сделал вид, что ищет деньги, пока не вытащил из того же кармана несколько купюр украинской валюты.

– А як же, – переходя на местный язык, ответил ангел.

Таксист доставил Яна к нужному дому и умчался.

Ангел осмотрелся: перед ним было здание пятиэтажки из красного кирпича без лифта. Здесь, по приказу Михаила, он должен пожить у одной смертной.

Напротив дома, в тусклом свете фонарей, возвышалась старая крепость. Наверху купола был четко виден парпет: «При желании, туда можно

подняться...».

Ян очень любил различные старинные сооружения, замки и особенно подземелья с катакомбами. Именно в таких местах сохранялось сосредоточие древней магии, подпитывающей как темных, так и светлых, тут можно было спрятать любой артефакт, не боясь, что его обнаружат и украдут.

Поднявшись по лестнице на пятый этаж, Ян позвонил в нужную квартиру. Дверь распахнулась резко, едва не ударив по носу. Чьи-то цепкие пальцы с длинными красными ногтями обняли его за плечи и сразу прижали к бюсту внушительного размера. Ангел резко выдохнул от неожиданно сильной хватки.

– Дорогой мой, ты добрался! – воскликнула женщина, выпуская парня из объятий и давая ему возможность вдохнуть полной грудью, – Мишель меня предупредил, что ты приедешь на поезде, мы бог знает когда с ним познакомились, а тут такие новости! – щебетала хозяйка, впуская парня в квартиру. – Меня зовут Анжелика, а ты Ян. «Мишель. Я запомню это ласковое обращение к генералу легиона Начал», – ангел широко улыбнулся, и женщина приняла эту улыбку на свой счет.

Это была высокая и подтянутая дама лет сорока, с черными вьющимися волосами, спускающимися ниже лопаток. Ее бархатный, под цвет красных ногтей, спортивный костюм идеально подчеркивал широкие бедра, немного расплывшуюся с годами талию, и, как уже заметил, а точнее, почувствовал Ян – пышную грудь. Доброе лицо с чуть вздернутым носом и румяными щеками располагало к дружеской беседе; эта женщина закончила печь пироги и была готова угостить ими весь мир. Ангел принюхался: «Выпечкой и вправду пахнет». В животе неприятно заурчало.

– Боженьки! Да ты у меня голодный после дороги! – Дамочка всплеснула руками и сдёрнула с плеча Яна сумку, от чего он едва не упал. «Она что, качается? С такой-то силищей», – ангел потер плечо и захлопнул входную дверь, отсекая ночной сквозняк от тепла, распространяющегося по уютной квартире. Сидя за столом в большой кухне и уплетая вареники с картошкой, обильно политые сметаной, Ян ощутил себя подростком в доме заботливой тетушки.

Ангела порадовал факт, что Анжелика относилась к тому типу разговорчивых людей, которые не будут просить что-то рассказывать, потому что сами всё сделают. В первую очередь, женщина поведала о ремонте в квартире:

– Кухня была ужасно малюсенькой! Поэтому в мою гениальную голову пришла идея соединить ее с гостиной. И вуаля! Много места и так по-современному! – она хлопнула в ладоши и подлила Яну компота в стакан. – Ты ешь, ешь, твоя комната выходит как раз на улицу, сможешь полюбоваться нашим костелом Босых кармелитов, – Анжелика погрустнела. – К сожалению, в Бердичеве мало интересных мест, это ведь не Европа, – подперев щеку ладонью, женщина принялась с умилением наблюдать, как ангел ест. – Ты знаешь, я так рада, что Мишель посоветовал тебе остановиться у меня. Одной тут та-а-а-к одиноко! – встав из-за стола и подойдя к холодильнику, она вытащила оттуда бутылку белого вина, достала два фужера и поставила на стол перед Яном.

– А теперь выпьем за твой приезд! – огорошила ангела Анжелика.

Ян чуть не поперхнулся компотом, и, оставив стакан в сторону, вытер рот вовремя поданной салфеткой.

– Не хочешь вина? Тогда, может, тяпнем водочки? – на ее добродушном лице читалась искренняя радость от их встречи, и Ян решил, что сегодня побудет добрым.

Сначала они выпили по бокалу вина, потом еще по одному и еще, пока Анжелика не ударилась в воспоминания о знакомстве с Мишелем. Абсолютно трезвый Ян все еще был зол на Михаила за то, что тот приказал ему ехать на поезде, как обычному смертному, поэтому рассказы об архангеле его не привлекали.

Ангел решил, что хозяйку пора укладывать спать, и галантно сопровождал женщину в ее комнату. Анжелика еще что-то бормотала себе под нос пьяным голосом, когда Ян оставил ее, закрыв за собой дверь. «Ну и денек...», – он покачал головой и отправился на кухню убирать остатки ужина со стола. В мусорное ведро отправились две пустые бутылки из-под вина и горстка оберток от шоколадных конфет. «В ближайшие пару часов я точно не усну».

Покинув квартиру, он отправился изучать окрестности.

Гуляя по освещенной улице и рассматривая погасшие витрины магазинов, Ян заметил толпящуюся молодежь у заведения с вывеской «Амстердам». Он усмехнулся: «Должно быть, веселое местечко, но вряд ли здесь есть своя улица Красных фонарей, как в настоящем Амстердаме».

На первом этаже располагалось закрытое в такой поздний час кафе. Бар устроили в подвальном помещении.

Спустившись следом за посетителями по лестнице в местную «клоаку», ангел заметил парочку демонов, соблазнявших глуповатых девиц коктейлями.

«Не пройдет и пары часов, как они уйдут отсюда с душами этих дурех, а те, как ни в чем не бывало, продолжают себе жить».

«Амстердам» оказался неплохим баром с современным дизайном: вдоль стен стояли красные диванчики, а при входе располагалось большое зеркало. Девушки обступили его с косметичками, прихорашиваясь ради своих кавалеров.

Ян поискал взглядом свободное место и заметил его в углу, рядом с круглыми столиками и пуфиками: «Здесь отличный полумрак, и на меня никто не будет пялиться». У проходившей мимо официантки ангел заказал виски со льдом: «Надеюсь, алкоголя там будет больше, чем воды...». Из угла он мог свободно наблюдать за смертными, прибывающими в бар: «Какие же они скучные! Прошли века, а желания у всех остались прежними: деньги, секс, алкоголь, наркотики и снова секс». Со скучающим видом он расселся на пуфике. Официантка принесла виски, окинув ангела мимолетным взглядом: «Какой красавчик!» Ян прочел ее мысли и сделал глоток из бокала: кусочки льда тихонько потрескивали, напиток не разочаровал. «Хоть бы у кого-то было нечто поинтереснее, чем эти глупости о внешности». Вдруг он уловил в воздухе свежий яблочный аромат: «Так пахнет только во фруктовом саду обители светлых».

У барной стойки, устроившись на высоком табурете и медленно помешивая ложкой кофе, сидела девушка с короткой стрижкой. Незнакомка повернулась к ангелу лицом, ее задумчивый взгляд бродил по гостям бара. Половину лица скрывала косая челка. Было странно, что среди всех она одна пьет кофе.

«Ощущение, что мы где-то встречались...», – он хотел как следует рассмотреть ее ауру, но в баре была слишком плотная дымка от кальяна.

Девушка продолжала спокойно пить кофе, делая заметки в блокноте, пока к ней не подошел высокий молодой человек с дорогой фотокамерой. Он встал напротив, загородив ее от Яна, так что ангелу пришлось извернуться, чтобы лучше видеть происходящее. Фотограф показывал отснятый материал вечеринки и широко улыбался, довольный проделанной работой.

Ян прислушался к их разговору.

– Вадим, удали мою фотографию. Я неудачно вышла, – попросила девушка, изучая себя на маленьком квадратном экране камеры.

Фотограф покачал головой:

– Нет уж! У меня свое видение, ты тут отлично получилась! – он просмотрел другие фотографии. – Никто в баре больше не сидит и не пишет, как ты. Так что это очень оригинальное фото! – и он стал весело пританцовывать в такт музыке.

– О да! – с сарказмом заметила она. – Видение великого фотографа Вадима!

Парень довольно выпятил грудь, но тут его стали дергать за плечи посетители, чтобы он их сфотографировал.

– Иди, хватит прохлаждаться! – девушка прикрикнула на фотографа, легонько толкнув того в грудь.

Вадим скривил смешную рожицу и двинулся к столикам с сидящей за ними дружной компанией. Ян осушил стакан и подошел к барной стойке, чтобы расплатиться по счету. Он встал рядом с девушкой, но она даже не обратила на него внимание. И тут его осенило: «Вдруг это Она – моя новая подопечная?!» – только он хотел это проверить, прикоснувшись к девушке, как его оттеснили двое парней. Ян раздраженно кинул несколько купюр на стойку и покинул заведение.

«Ничего, город маленький – мы с ней еще встретимся». Ему не хотелось в порыве гнева разбить этим деревенским головы, поэтому он решил уйти. Ян не любил сложностей и старался избегать их. По дороге до квартиры Анжелики он стал вспоминать своих прежних подопечных: «А ведь их было не так много за все то

время, пока я – ангел-хранитель».

Ян всегда старался держать дистанцию между прямыми обязанностями хранителя и чувствами подопечного. Как говорил архангел Рафаил: «Человек – это маленькое существо, оно подобно ребенку, нуждающемуся в поддержке, заботе, ласке и особенно в любви и понимании. Ангелу следует избегать привязанности к подопечному. Ведь рано или поздно наступает момент, когда смертный больше не нуждается в хранителе». Ян вспомнил Киру – эта девушка действительно была для него особенной.

Светлые любят все живое с момента своего становления ангелами, но не могут влюбляться, как люди: страстно, безрассудно, с отдачей. По кодексу хранителей им запрещено чувство привязанности к простому смертному. «Влюбиться в подопечного – это то же, что приобрести билет в Нижнюю Аиду! Когда ангел влюбляется в простого смертного, а его любовь отвергают – он впадает в глубокую депрессию. Лишается своих способностей и ангельских крыльев, а это хуже смерти. Взаимная любовь была бы куда более трагичной. Ангел – создание бессмертное, не подвластное времени. А человек – незначительное существо – хрупкое, подверженное болезням. Хранитель наблюдает увядание жизни в человеке, но он не в силах воспрепятствовать смерти». В хранившихся в библиотеке Келестис старинных манускриптах было описано множество трагичных историй о любви ангелов.

«Я больше никогда не променяю вечность и крылья на это сентиментальное чувство любви». После Киры Ян запретил себе влюбляться, но до этого его ледяное сердце дало трещину от ласки и тепла подопечной: «Тогда-то я и попрощался с ней... навсегда». Больше он ни к кому ничего не испытывал и держался со всеми на расстоянии.

Подойдя к дому Анжелики, он закурил у подъезда. Ангел любовался простором ночного неба: «Такое не увидишь в больших городах. Здесь небо так близко – протяни руку, и ты достанешь звезду». Выдохнув несколько колечек дыма, он вспомнил парня с вокзала: «У него были странные глаза, голубые, но нечто настораживающее крылось в глубине зрачков. Стоило присмотреться к его ауре, но он меня взбесил». Докурив, Ян поднялся на последний этаж, открыл входную дверь позаимствованным у хозяйки ключом, и мягко, как кот, прошел по спящей квартире.

Отведенная хозяйкой комната при ночном свете показалась мрачноватой. Стены обклеены темно-синими обоями, белые потолочные плиты «под лепнину» и отдельный балкон: «Здесь я могу курить в любое время». Отремонтированный пол, выложенный деревянными досками, для утепления был застелен плотным ковром. На подоконнике стояла круглая пепельница с двумя окурками от тонких яблочных сигарет. «Очень кстати...» – с облегчением подумал Ян, разглядывая покрытые лаком рамы и занавески тонкой вязки, скрывающие часть окна от посторонних наблюдателей. В углу стояла одинокая табуретка, сиденье которой было обито мягкой тканью.

Вернувшись в комнату, он бесшумно разложил новый диван и включил стоящий рядом торшер. Мягкий свет осветил несколько висящих на стене незамысловатых картин с изображением природы. В углу стоял зеркальный шкаф-купе, в нем ангел обнаружил свободные вешалки, утюг и стопки чистого постельного белья с полотенцами. На верхней полке лежали дополнительные подушки и одеяла.

Развесив свои вещи в шкафу и перекинув чистое полотенце через плечо, он ушел в ванную.

«Хорошо, что у Анжелики есть водонагревательный котел, иначе пришлось бы мне принимать ледяной душ!» – порадовался он, смывая шампунь с волос. Приведя себя в порядок, ангел застелил диван простыней и с наслаждением упал на подушки.

– Как же здесь тихо... – шепнул он в ночную тишину, поглаживая пальцами крест на груди. Артефакт согревал солнечное сплетение: «Раз Анжелика умеет готовить пирожки, то и на завтрак я могу рассчитывать», – он улыбнулся собственным мыслям: «Ах, Михаил, за что же ты разрешил обращаться к тебе по прозвищу Мишель?»

Глава 2

Гуляющая молодежь разбредалась по домам, и улицы города постепенно пустели. К себе в квартиру Лука вернулся поздно ночью. Сидя в мягком кресле с ногами на пуфике, Лу позевывал, читая очередную статью из Википедии. От

горячего душа его разморило и постепенно начало клонить в сон: «Тихо, спокойно. По ночам в Бердичеве так свежо». Ему нравилось гулять в одиночестве по укрытому темнотой провинциальному городку, особенно вдалеке от центра, где среди маленьких кафешек можно было встретить разных знакомых.

В Бердичеве был свой неизменный круговорот, в котором текла и плескалась жизнь горожан. Каждый день начинался одинаково – с «Базара», куда все спешили продавать и покупать. От летнего зноя хотелось забраться в прохладный погреб и не вылезать, пока на столбике термометра температура не опустится ниже тридцати градусов.

«Я должен отдохнуть, потом на это не будет времени», – Лу открыл и закрыл глаза, из груди вырвался тяжелый вздох. Учебный план был составлен родителями, поэтому первую половину года он проводил в Москве, учась в университете на архитектора, а другую – в Украине, посещая Житомирский колледж культуры и искусства. Новые знания всегда привлекали его, учеба давалась легко, и ему не составляло труда учиться в двух заведениях сразу.

После душа он надел футболку, на мягкой ткани которой было изображение лезвия. Эту вещь ему подарил старый друг по прозвищу Ска. Они были знакомы с детства, их бабушки и мамы общались между собой.

Сергей и Лука поступили в один колледж, но на четвертом курсе Ска бросил учебу и углубился в творческую деятельность. Он увлекся татуировками и стал отличным мастером своего дела, благодаря чему со временем переехал в Чехию. «Мы с ним такие разные. Но у обоих есть свои стремления», – с тоской думал Лу. – «Несмотря на то, что я легко схожусь с людьми – мне совсем не хочется пускать кого-то нового в круг личного общения. У меня есть близкие люди, которым я доверяю. К чему мне куча знакомых? Я в этом не нуждаюсь».

Он кликнул мышкой по значку «Скайпа»: «Мамы нет в сети. Странно, ведь обычно она работает допоздна. Я так соскучился по ней». Лу прикрыл глаза: «В детстве, перед сном, она всегда заходила ко мне в спальню, присаживалась на краешек постели и читала сказки. В конце она обязательно гладила меня по голове, приговаривая «Ты мое счастьечко», и ее губы трогала нежная улыбка. Если раньше, пока я ходил в первый и второй классы, она жила со мной в Бердичеве, то потом уехала во Флоренцию. Зимой она сидела в этом кресле и вязала мне шерстяные носочки, пока я рисовал что-то в тетрадках. Она выросла

в этом городе, но ей не хотелось всю жизнь прожить в нем. Бердичев хорош, но не для нее. Она никогда не хотела просто выйти замуж, как ее подруги, затем нарожать детей и считать, что на этом жизнь заканчивается и теряет все свои краски. Ее душа стремилась к новым знаниям и путешествиям. Вот в чем заключалась ее свободолюбивая натура. И эти качества я унаследовал именно от нее».

После отъезда матери в Италию Лу жил в доме бабушки до девятого класса, а затем перебрался в их с мамой двухкомнатную квартиру. Но из-за того, что он поменял место жительства, Лука не перестал приходить к старушке на обеды и ужины.

Ее двухэтажный дом в тюдоровском[3 - Стиль Тюдоров – архитектурный стиль поздней английской готики, развивавшийся в период правления английской королевской династии Тюдоров. Стиль охватывал 1500—1560 годы и уступил место Елизаветинской архитектуре.] стиле находился вдалеке от городской суеты, на Речной улице. Из окон открывался дивный вид на реку, а задний двор занимал огромный розарий.

Сколько Лука себя помнил, каждый летний вечер они устраивали посиделки на веранде за кофейным столиком: мама расставляла фарфоровый сервиз, а бабушка заваривала чай.

Они превращались в героев чаепития из «Алисы в стране чудес», особенно когда бабушка начинала рассказывать новые идеи для своих романов, изобилуя подробностями приключений влюбленных.

Семилетний Лука сидел на стуле с мягкой подушкой, держа в руках большую чашку с чаем, и весело смеялся: бабушка всегда умела рассказать такое, от чего Лу хватался за живот и не мог остановиться. После чаепития Ветту оставляли одну делать записи в блокноте.

«Я садился на качели, когда-то построенные дедушкой для мамы, и мы с ней раскачивались». Качели были с широкой деревянной доской-сидением, а по бокам шли плотные канаты, укрепленные на железных столбах. Бабушка рассказывала, что когда мама была еще подростком, она попросила построить для нее такие качели. Впоследствии, будучи беременной, мама Луки раскачивалась на них, придерживая большой живот. Ей хотелось родить именно

в Бердичеве, чтобы бабушка присутствовала рядом.

Ветта выглядела очень привлекательной и энергичной женщиной для своих лет. Внешне ей никак нельзя было дать больше пятидесяти. Подобно герцогине, она являла собой эталон изысканности и шарма. У нее даже была английская привычка пить чай с сэндвичами. На ее светлой кухне чувствовался аромат свежей выпечки, а в шкафчике всегда находилось множество сортов чая.

Она зарабатывала сочинением женских романов, которые имели большую популярность и издавались не только в Украине, но и в Европе. Именно бабушка убедила внука продолжить писать свои «Заметки». Также она всегда напоминала, что у них творческая семья, и грех не развивать литературные способности. Ветта приветствовала новые идеи и с детства прививала внуку такую же тягу к знаниям, как и собственной дочери.

Мать не говорила сыну о том, как познакомилась с его отцом, и бабушка, наделенная даром рассказчицы, поведала о «страсти» двух влюбленных так, словно это был очередной ее шедевр любовной прозы.

В период молодости и обучения в Брюссельском университете мать Луки влюбилась в некоего Луцио Лазаря, привлекательного художника и архитектора. Со временем его творчество пошло в гору и принесло ощутимый доход, благодаря этому мужчина стал хозяином нескольких картинных галерей в Европе. Зять сразу понравился Ветте, она приняла его как родного сына, особенно с учетом того, что Луцио вырос сиротой и всего в жизни добился сам.

Пара прожила вместе несколько счастливых лет. Но после рождения сына Луцио стал отдаляться от семьи, и вскоре, не желая мешать развитию творческой натуры мужа, Луиза настояла на разводе. Оставшись хорошим другом, мужчина никогда не забывал о своем сыне и бывшей жене. Лука ни в чем не нуждался, на его личный счет переводились солидные алименты.

Выключив ноутбук, Лу посмотрел на часы – 3:35. Встав с насиженного места, он поплелся в кухню и остановился перед календарем. «Как быстро летит время, и ведь так всегда...», – он переставил дату на 8 июля.

На стене висела небольшая рамка с фотографией: пятилетний Лу и его мама. Молодая женщина сидела за кофейным столиком, а рядом стоял сын со счастливой улыбкой на лице и блестящими, забавно торчащими в разные стороны черными волосами.

– Спокойной ночи, мама...

Запахи еды, витающие по квартире с раннего утра, заставили Яна проснуться. Еще несколько минут он лежал на диване, смотря в потолок и вспоминая, где он и кто сейчас шумит в квартире. Конечно же, это была Анжелика. Отлично выспавшаяся и бодрая женщина готовила завтрак, приговаривая:

– Какой он высокий! Почти два метра ростом, а какой красавчик! – причмокнула губами. – Я готова утонуть в его голубых... – она задумалась. – Или серых глазах? Да неважно! – довольно захихикала, прикладывая ладони к горящим от смущения щекам.

Все это Ян отлично услышал, но не придавал значения. Ангел жил столько веков, что перестал чему-либо удивляться, женщины всегда были очарованы им.

Взлохматив волосы на макушке, он медленно потянулся и, широко зевнув, встал с дивана: «Надеюсь, она приготовила что-то очень вкусное...». Накинув на обнаженный торс широкую футболку с ромбовидным вырезом, он прошлепал по чистому паркету в гостиную-кухню. Здесь Анжелика колдовала над плитой, поддевая деревянной лопаткой пышный омлет с ветчиной и помидорами.

На столе красовалась горка блинчиков, мисочка нарезанного фруктового салата и большой кофейник. Тихонько сев на табурет, Ян подтянул одну ногу под себя и поправил задрвшуюся штанину спортивных штанов на щиколотке. Хозяйка его даже не заметила. Она напевала себе под нос песню про любовь и, когда повернулась со сковородкой в руке к столу, нервно вздрогнула:

– Ой, а я и не слышала, что ты проснулся, – ее алые губы расплылись в улыбке, – Вот, приготовила разной вкуснятины! – она выложила омлет в глубокую тарелку и поставила сковородку на плиту.

Он принялся, и в животе громко заурчало.

- Спасибо... - сдержанно поблагодарил Ян.

Взяв вилку и положив себе часть омлета, он добавил горошка и принялся за еду. Анжелика, спохватившись, всплеснула руками:

- Вот я хороша, а про брынзу и овощи совсем забыла! - она достала из холодильника коробочку сербской брынзы и нарезанные огурцы с помидорами.

- Кушай, птенчик, а то ты такой ху-у-уденький, - засюсюкала женщина, разливая кофе по кружкам.

- У меня высокий метаболизм, я не полнею, - отчеканил ангел, пережевывая омлет. - И я жилистый! - более дружелюбно добавил он, натывая на вилку кусочек брынзы. Анжелика сделала глоток кофе и мечтательно взглянула на прическу Яна.

- Цвет спелой пшеницы, так забавно вчера на макушке торчали! - нежно сказала она, - если что, у меня в ванной стоит лак и пенка для волос...

Ангел едва не подавился кофе, напиток обжег язык:

- Кхм... спасибо, но я не пользуюсь средствами для укладки... - он немного смутился, - Само как-то... укладывается...

После сытного завтрака Ян вышел на балкон покурить: «Ну и женщина! Сколько же в ней нерастроченной любви и заботы. Своих бы детей могла завести...», - он щелкнул зажигалкой и глубоко затянулся, блаженно выдохнув из легких густой дым. «Однако давно я не ел с таким удовольствием», - удивился самому себе Ян. Брынзу и овощи он любил. «Да и такой вкусный кофе в последний раз я пил в Черногории, наверное».

В балконную дверь постучали. Ян оставил недокуренную сигарету на краю пепельницы и обернулся. В руках Анжелики был небольшой поднос с кофейником и двумя чашками.

– Не против моей компании? —она вошла внутрь, мягко ступая в тапочках по полу. – Я стараюсь бросить курить, но что-то не получается... – шутливо заметила женщина. «Или просто не хочешь...», – подумал ангел. – Чаще всего у людей именно так, они не обладают достаточной силой воли, чтобы отказаться от своих привычек, будь то сигареты, алкоголь или что-то еще». На балконе они курили вдвоем, попивая свежесваренный кофе и стряхивая пепел в одну пепельницу.

– Знаешь, – начала Анжелика, глядя на чистое голубое небо. – в Бердичеве порой очень скучно, особенно, когда ты одинок.... – Здесь люди работают где могут и как могут, зарабатывая гроши, живя от зарплаты до зарплаты. В больших городах не так: там много работы и зарплата выше, но знаешь... Я ни за что бы не хотела уезжать из своего маленького міста[4 - Места].

Она с нежностью посмотрела на парня: тот молча курил, сидя на табуретке и потирая босые ступни друг о дружку.

– Тут все такое родное и близкое. Нет этой беготни, никто не будет тянуть из тебя силы как вампир...

Ангел потушил сигарету и стал пить кофе маленькими глотками, наслаждаясь вкусом.

– Да, большие города – они такие. Но тебе не стоит об этом задумываться, ты и здесь хорошо живешь, – ему не было необходимости выслушивать биографию Анжелики, он и так все знал, без труда прочтя ее мысли. – Вчера ты начала рассказывать о том, как познакомилась с Михаилом... – «Вот это будет действительно интересно, после того как я отдохнул и поел».

Женщина встрепенулась и чуть не пролила на себя кофе.

– О, это так романтично... – ее щеки снова покраснели от смущения. Но этот румянец очень шел Анжелике, он делал ее помолодевшей и наивной. – Мы познакомились, когда мне было двадцать три, я как раз получила диплом преподавателя по художественным искусствам и устроилась на работу в Кармелиты. Там музыкальная и художественная школы, – она махнула в сторону крепости рукой. – И... тогда встретила его... – она томно вздохнула, – он был неразговорчив, подолгу гулял возле Кармелитов, порой пропадая в открытых в

то время подвалах, ведущих к разветвлению катакомб. Михаил рассказывал, что он занимается изучением систем туннелей. Наверное, поэтому его никто никогда не останавливал и не запрещал лазить по подземному «склепу»... – Анжелика поморщилась. – Мне лично там не понравилось: сыро и холодно, я быстро простудилась в тот год. Конечно же, мы видели друг друга, проходя мимо, или когда он заглядывал в художественную школу, чтобы обсудить какой-то вопрос с одним из преподавателей, кто мог помочь ему с чертежами. Но в основном... – она закусила нижнюю губу. – Мы не общались, пока однажды мой злополучный каблук не провалился в щель в асфальте, и я чуть не упала в открытый канализационный люк, – она рассмеялась и смущенно прикрыла рот рукой. – Да! Вот такая я неудачница. Чуть все кости себе не сломала. Хорошо, что Мишель вовремя оказался рядом и успел схватить меня за руку, – она протянула запястье Яну.

Ангел непонимающе взглянул на женщину: «Надеюсь, она не хочет, чтобы я взял ее за руку?». Свое личное пространство Ян очень ревностно оберегал от всяческих поползновений.

Однако Анжелика быстро убрала руку, положив ее себе на колено, и продолжила:

– Так мы с ним и познакомились. Он был в Бердичеве всего лишь полгода, а потом работа вынудила его вернуться обратно в Санкт-Петербург, и он уехал из моей квартиры, – она поставила чашку с недопитым кофе на подоконник и вытащила новую сигарету. Ян галантно щелкнул зажигалкой.

– Больше мы с ним не встречались, но писали друг другу письма. Поэтому я так обрадовалась, когда он попросил приютить своего племянника, – женщина потрепала парня по щеке, выдохнув в сторону сигаретный дым.

«Племянника, значит! Ну, Михаил!» – ангел скривил губы в кислой улыбке, которую Анжелика, к счастью, не увидела.

– Вот и все. Ладно, заболтала я тебя, мне на работу нужно, а то кто же, как не я, сделает дамочкам в этом городе суперманикюр! – она подмигнула Яну. От ее потушенной сигареты по балкону разнесся вишневый аромат.

Ян вспомнил прошлый вечер, проведенный в «Амстердаме»: «Та девушка с короткой стрижкой. От нее так приятно пахло». Ангел хорошо запомнил ее внешность: «Естественный макияж. Одета просто и со вкусом. Вещи фирменные, отличного качества». Он раздраженно хлопнул себя по колену: «Чертова папка! В очередной раз попадет от Михаила за то, что я халатно отношусь к своим обязанностям».

Архангел Михаил – один из Старших архангелов в святой обители Келестис и главнокомандующий легиона Начал – небесного войска, стоящего на страже врат.

В его ведении была группа архангелов под названием «Боевой круг», куда входили лучшие из лучших: около пятидесяти посвященных.

В Келестис все украшения и оружие с доспехами делались из платины, чтобы свет, исходящий от них, ослеплял темных, обжигая их плоть при соприкосновении. Каждый архангел, вступивший в «Боевой круг», подвергался болезненной процедуре нанесения татуировки на половину своего тела. Это были белоснежные узоры, оберегающие носителя от различных сглазов, затуманивания разума, слепоты, приворотов и некоторых проклятий, используемых темными в бою.

Каждый второй ангел хотел попасть в этот «Круг», но лично для себя Ян избрал должность хранителя, а не воина, хотя несколько лет активно посещал занятия по военной и физической подготовке, научившись обращаться с мечом и использовать боевые навыки на практике. Но и это увлечение, как и все предыдущие, ему быстро надоело.

Михаил был очень опытным главнокомандующим и отменным преподавателем, но за совершенные подчиненными проступки неминуемо наказывал, что и произошло с Яном.

Ангела сослали в Нижнюю Аиду. Это «путешествие» он не забудет никогда. По человеческим меркам Ян провел там несколько лет, и этого времени хватило, чтобы осознать: он не хочет попасть туда еще раз. Первое время ангел пытался нормально дышать, но каждый раз начинал тяжело кашлять от воздуха Подземного мира, наполненного запахом горячей серы и удушливого

сероводорода.

Выполняя незначительную работу – сортировку человеческих душ, он слышал их крики, когда касался хрустального шарика. В треснувших гранях отражались мученики. Их громкие стоны преследовали его, стоило лишь ненадолго задремать. Он практически не спал и ничего не ел. Ему не хотелось такой судьбы, как у жены Аида[5 - Аид – в греч. мифологии божество царства мёртвых, также само царство.] Персефоны[6 - Персефо?на – в древнегреческой мифологии богиня плодородия и царства мёртвых, владычица преисподней.] с ее гранатовыми зернами. Поэтому, что бы ему не предлагали, Ян отказывался, продолжая молча перебирать шарики, бережно перекладывая их в корзины, и те по черным водам Стикса переплавлялись в банк душ Нижней Аиды.

В таких рейсах Ян участвовал постоянно. Так он и познакомился с администратором.

Сначала ангел внимательно рассматривал лицо старца, прикладывая шарик к уху, чтобы услышать томящиеся в них души.

«Какие знакомые черты лица, этот выпуклый широкий лоб...» – в памяти Яна всплыла лекция «О девяти кругах Нижней Аиды»: «Кто же там у нас был: Гомер, Цезарь, Овидий, Аристотель, Сократ и Платон... Нет! Не те!».

– Не думай о богатстве и бесчестии, – старик вдруг обратился к нему. – Думай о работе, падший, – он взял одну корзину и потащил по влажному полу грота в сторону каменных ступеней.

«Ох уж эти римские философы», – Ян покачал головой и взял две корзины. Лестница вывела обоих в круглый кабинет, освещенный факелами.

– Поставь их возле стола и принеси оставшиеся, – скомандовал старец.

Ангел молча подчинился, сделав ходку к лодке и обратно. Опустив ношу на пол в указанном месте, Ян стал наблюдать за тем, что делает старик. Тот, в свою очередь, брал по хрустальному шарик и подходил к стене с множеством ячеек с замочными скважинами. Но вместо ключей старик продавливал туда шарики, и те проходили насквозь, издавая едва слышный звон.

Ян закусил нижнюю губу, стараясь содрать зубами засохшую кожицу, и привкус его собственной крови показался сладким медом, ведь он так давно ничего не ел.

– Вы сказали: не думай о богатстве, подразумевая эти души... – ангел указал рукой на оставшиеся шарики. – И бесчестии, имея в виду метод их добычи!

– Ты извлек неплохой смысл из сказанного мной! – старец хрипло рассмеялся, проталкивая очередной шарик сквозь квадратную дверцу.

– Неплохая эпиграмма для того, кто ее же и придумал, – впервые за долгое время Ян улыбнулся. – Не ожидал встретиться здесь с Луцием Сенекой! Это же надо было так неудачно покончить с собой! – он рассмеялся. – Сначала запястья, потом ноги и, наконец, оказавшийся бессмысленным яд. Абсурд! – ангел взял один из шариков и прислушался к стону боли внутри него.

– Согласен. Глупо было так умирать, но еще глупее поддаться страху казни, – спокойно ответил Сенека, забирая у него шарик. – Ты ведь четко их слышишь. А мне вот приходится прислушиваться, чтобы понять, о чем они плачут...

Ян не показывал своих эмоций, но от криков душ в ушах стоял отвратительный звон. Когда его наказание в Нижней Аиде было закончено, ангел вернулся в Келестис другим...

Пребывание в мире темных заставило его иначе взглянуть на солнечный свет, по-другому дышать чистым воздухом, наслаждаться полетами. В нем что-то надломилось, но этого Ян никому не показывал. Он не перестал использовать черную магию, но теперь умело скрывал этот факт от окружающих.

Обычно выходцами из Подземного мира среди людей были демоны, бесы и суккубы, реже вампиры. Все они числились сотрудниками Верхней Аиды. Здание бизнес-центра располагалось на Тверской. Почти в центре столицы, где сосредоточились отрицательные эмоции и негативная энергия людей. Никто из смертных не мог даже подумать, что по соседству с ними спокойно работают темные силы. Между обеими организациями – Келестис и Аидой – испокон веков шла борьба за человеческие души.

Сотрудники Верхней Аиды так же, как и в Обители светлых, вели учет и документацию, имели курьерскую службу доставки, транспортировку душ – все то, что уже попробовал Ян, будучи в ссылке. Келестис с ее архангелами и ангелами-хранителями заботились о целостности человеческой души. Еще до того, когда простой смертный мог оказаться на грани и впасть во тьму, к нему приставлялся личный Ангел-Хранитель, направляющий и оберегающий его. Все это делалось для сохранения равновесия между Светом и Тьмой. Однако слишком много веков ради этого равновесия проливалась кровь обеих сторон. Орудую мечами, заточенными под светлую плоть, демоны и ифриты убивали архангелов, заставляя чашу весов склониться в свою сторону.

Как-то раз, чтобы пристыдить Яна, архангел Рафаил, второй после Михаила, высказал ему голосом, полным грусти и сожаления:

– Иоанн, сын мой... – так ангела называл лишь этот архангел. – Всевышний наградил тебя этой жизнью и оболочкой не для того, чтобы ты предавался праздности, а помогал смертным. Это твоя прямая обязанность как Хранителя, – он развел руки в стороны. – Мы не можем уподобляться демонам: заниматься чревоугодием, сладострастием и не отдавать свой свет ближнему!

Мудрый архангел в образе старца занимался врачеванием еще со времен древнего Рима. Его длинная белоснежная борода тянулась до пола, делая Рафаила похожим на чародея Мерлина из «Преданий о Короле Артуре», а яркие синие глаза намекали на скрытую силу архангельской души. Он всегда был облачен в светлую тунику с длинными рукавами, опоясанную кожаным шнурком. На ногах он носил исключительно сандалии, и кто-то из ангелов клялся, будто это обувь самого Персея.

Этот разговор происходил, когда Рафаил лечил Яна. Ангел частенько наведывался в различные бары и пабы, где любили кутить темные, чтобы пропустить пару стаканчиков ирландского виски, побеседовать за жизнь со знакомой демоницей и расслабиться. Но стычки между светлыми и темными в таких местах были не редкостью. Когда телу наносился ущерб оружием темного – залечить такие раны светлые могли только в лазарете Келестис, у главного целителя Рафаила. Как бы то ни было, но Иоанн – одно из имен Яна.

Что же касается темных, то в большинстве своем это были мускулистые и brutальные демоны, славящиеся стихией огня. Прожженные сердцееды, сплошь покрытые татуировками, чтящие кодекс правил, которые, тем не менее,

постоянно нарушали.

Но для светлых законы непреложны, и Яну вменялось соблюдать их. Ангелу не хотелось вновь отправиться в Нижнюю Аиду, или, тем более, лишиться крыльев. Крылья для него – все.

Сунув ноги в домашние тапки, заботливо оставленные Анжеликой, ангел прихватил чашки с кофейником и направился на кухню. Хозяйки уже не было дома, только в коридоре четко ощущался цветочный парфюм. Неудачно задев дверь в ванную, Ян пролил себе на руки остатки кофе. Кипяток обжег ладони, и ангел стиснул зубы, чтобы не выругаться, хотя мысленно выкрикивал проклятья.

Подставив обожженные руки под ледяную струю воды в раковине, он наблюдал, как кожа сначала покраснела, покрывшись багровыми пятнами, а затем резко побелела. Быстрая регенерация тканей всегда была очень кстати, и ему отчего-то вспомнилась собственная смерть.

Ян

Это случилось в конце XIV века в Праге. Тогда я занимал должность духовника Королевы. Ян Непомуцкий или Иоанн Непомук – простой люд произносил мое имя с надеждой и трепетом. Дворянство поверяло мне тайны своих душ, и я тщательно их хранил. Серый Кардинал – вот кем я был...

Развитие конфликта между Королем Вацлавом IV, вмешавшимся в дела Церкви, и Высшим духовенством страны привело к тому, что я впал в немилость. По приказу Короля я и двое моих учеников были схвачены и заточены в тюрьму. Я вспоминаю вонь и сырость холодной темницы, шуршание крысиных хвостов по скользким плитам пола, невыносимую жажду и голод, от которых мое старое тело медленно приходило в негодность. Тьма, застилавшая мои тусклые глаза, была благословением Божьим – двум молодым священникам рядом со мной было отказано в этом счастье. День за днем они истощались, делаясь похожими на скелеты, обтянутые серой кожей. Их избитые, замученные пытками тела со

сломанными пальцами и ребрами скручивались от постоянного холода на жалких холщовых подстилках. Господь наш всевидящ – его слугам оставалось недолго мучиться. Мои протезы были избавлены от заточения – их отпустили... Я остался один, и это дало легкую надежду на то, что скоро и я буду избавлен от этих оков.

Но свету было суждено померкнуть в момент, когда меня отвели в пыточную и разместили на дыбе. Я чувствовал, как разрываются мои суставы, как боль завладевает каждым миллиметром тела. Почему я продолжал дышать, а мое сердце билось? Как я мог вынести подобную агонию?!

У меня пытались выведать все хранящиеся в голове тайны, но даже под пытками с уст моих не сорвалось ни звука. Про себя я молился Отцу своему, просил дать мне сил и терпения, дабы выдержать это, простить грех людей...

Последнее что я помню – как Вацлав приказал заковать мое тело в «молитвенный крест», но оковы спадали— тело было слишком худо и измучено...

Ощущаю холод, в который я окунулся... мне хочется спать, и я безропотно отдаюсь в объятия вод Влтавы, куда мои истязатели меня выбросили, как ненужную шахматную фигуру с поля интриг и козней... Теперь душа моя всецело принадлежала Богу. Для каждого Рай – свой. Я никогда не мог представить, какой Он... Возможно, там действительно есть золотые ворота, у которых стоит Святой Петр...

Я очнулся среди поля пшеницы близ журчащего ручья. Тело мое больше не ломила боль, я чувствовал себя юным и полным сил. Взглянув на собственные запястья, некогда растерзанные дыбой, увидел упругую, здоровую кожу, по жилам резво бежала обновленная кровь. Прикоснулся к лицу: куда-то исчезли морщины и борода старца. Заглянув в ручей, я увидел свое отражение – я снова был молод. Время повернулось вспять.

Рай – это чистое голубое небо, золотые колосья пшеницы, отделяющие меня от Тьмы. Я был готов к новой жизни, и энергия, бьющая внутри, как ручей у ног, кричала о себе. Мы умираем, чтобы заново возродиться, подобно фениксам из пепла...

Ангел выключил кран и вытер руки полотенцем: «Я ненавижу время с 9 утра и до 9 вечера».

Прошла ровно неделя с того самого вечера, когда Ян увидел девушку, овеянную яблочным ароматом. В бар «Амстердам» он больше не заходил, зато частенько наведывался в кофейню «Филижанка», располагавшуюся ниже по улице от его дома.

Кофейня, или по-местному «Кав`ярня»[7 - Кофейня], была небольшим заведением с крохотной открытой верандой.

Обстановка внутри – самая что ни на есть старинная: неровные стены выкрашены в желтый цвет, кованые светильники создавали таинственную атмосферу, излучая мягкое теплое свечение, на круглых деревянных столиках, заботливо укрытых вязаными салфетками, стояли миниатюрные глиняные вазочки с сухоцветами. Официантки каждый раз мило улыбались Яну, подавая меню. Здесь отлично готовили любимую ему «каву по-віденськи»[8 - Кава по-віденськи – кофе по-венски (укр.)] с горкой взбитых сливок, посыпанных тертым шоколадом.

Ангел наслаждался кофе, изучая просторы Интернета. Поиск «яблочной» девушки в социальных сетях по городу проживания «Бердичев» не дал положительных результатов, и Ян закрыл крышку ноутбука.

«Значит, придется искать ее старым проверенным способом – на своих крыльях, ориентируясь на ауру... – он поднял глаза к деревянному потолку, — азарт превращает меня в сыщика», – усмешка тронула его губы, и официантка за кассой томно вздохнула.

Расплатившись по счету и кивнув девушке на прощание, Ян собрал вещи и, перекинув рюкзак через плечо, покинул «Филижанку». Середина августа в Бердичеве была теплой, без изнуряющих жары и духоты, которые Ян, по понятным причинам, не выносил. Перейдя на противоположную сторону, он двинулся по вымощенной камнем дорожке к воротам в кирпичных стенах, защищающих костел[9 - Костел – католический храм.].

Архитектура крепости гармонично сочетала в себе стили барокко и классицизма, которые угадывались в колоннах, поддерживающих стены главного комплекса моления католиков.

Отреставрированная лестница пахла свежим цементом, а тяжелая железная дверь, за которой скрывалось помещение для богослужений, не сразу поддалась, чтобы открыться.

Обмакнув кончики пальцев в каменную чашу с водой, Ян совершил крестное знамение и ступил на мраморный пол. Внутри все было таким же величественным, как и в любом католическом соборе: высокие потолки, уходящие вверх, арки и колоннады, разноцветные витражи, картины с изображениями святых в тяжелых рамах, деревянные лавки, установленные вдоль отштукатуренных колонн, и широкий алтарь в белоснежном облачении.

Послышались звуки органа: «Скоро начнется месса». И действительно, через мгновение в колонках зазвучал приятный женский голос, поющий молитву. Ян питал слабость к органной музыке, а католические мессы были его сердцу ближе, чем православные.

Присев на скамью, ангел сложил ладони в молитвенном жесте и, закрыв глаза, зашептал на латыни: «Requiem ?ternam dona eis Domine et lux perpetua l?ceat eis. Requiescant in pace. Amen»[10 - Вечный покой даруй им Господи, и пусть вечный свет воссияет над ними. Покой. Истинно.]. Мелодию органа заглушил звон колокола, оповестивший о начале вечерней литургической службы.

В собор медленно заходили люди, их было немного: двое мужчин преклонили колени, женщины рассаживались по лавкам ближе к алтарю. Все ожидали священника. Ян встал со скамьи и поднял взгляд к витражу с изображением белого голубя над иконой Девы Марии. Сквозь разноцветное стекло проникали лучи света, они падали на алтарь и тянулись по полу.

Ян с удовольствием отстоял всю мессу. В конце он прошептал на латыни: «In nomine Patris, et Filii, et Spiritus Sancti»[11 - Во имя отца и сына и святого духа (лат.)]. Затем коснулся креста на шее и покинул собор.

На улице при свете заходящего солнца ангел еще раз осмотрел Кармелиты: часть правой стены разрушена, и велись восстановительные работы, а башня

слева нуждалась в капитальном ремонте. Во многих местах отвалилась штукатурка, оставив после себя желтоватые следы. Стекла в окнах разбиты, а те, что уцелели, покрылись слоем пыли и были увешаны вуалью из паутины. Обойдя собор со стороны, где находилась небольшая музейная пристройка, Ян направился к круглой площадке с парой лавок.

Фальшивые звуки скрипки, доносившиеся из окна, заставили ангела поморщиться: «Значит, здесь музыкальная и художественная школы, про которые рассказывала Анжелика». На красной кирпичной стене обнаружилась латунная табличка, подтверждающая этот факт. На заднем дворе крепости было пусто: никаких учащихся или рабочих, только одиноко стоящее дерево, распростершее мертвые седые ветви к розовому закатному небу.

Ян подошел ближе. «Странно, вокруг все такое зеленое и только оно... мертвое», – он прикоснулся к гладкому стволу, и кончики пальцев обожгло льдом, но это ощущение длилось ровно секунду, а затем прошло.

«Это место не такое простое, каким кажется... – он приложил пальцы к губам, согревая их. От дерева исходила едва ощутимая волна энергии. – Никакой подпитки я от него не чувствую, но ощущаю, что когда-то это дерево использовали для хранения артефакта. Видимо, оно и вобрало в себя часть его силы».

Заинтересованным взглядом Ян изучил старые окна, за которыми дети занимались музыкой, а затем остановился на большом куполе с узкой башенкой. Кровля из оцинкованного железа покрылась ржавыми подтеками, изумрудная краска облупилась, обнажив черные пластины.

Стеклянные окна в башенке не пропускали ни одного луча света, настолько грязными и неухоженными они были. «Конечно, кому есть дело до святого места», – в Яне заговорила подзабытая натура священника.

Порталы стекол окружали тонкие колонны, на которых держалась острая крыша, уходящая в небо длинным крестом с золотым шаром на конце. Башенка привлекла Яна черным парапетом. Пространство между ним и окнами было ровно таким, что там можно было спокойно сесть, свесив ноги вниз.

Вдалеке грянул гром, и только сейчас ангел почувствовал приближающуюся грозу. В воздухе запахло дождем. «Стоит попробовать туда взобраться, но позже, когда совсем стемнеет», – сейчас нецелесообразно привлекать к себе лишнее внимание.

Рядом с мертвым деревом ангел заметил разбитые ступени лестницы, он быстро подошел к ним, но резко остановился, видя, что у подножия лестницы нет ничего, кроме стальной двери в стене и клочка земли, поросшего высокой травой. Выше «пустыря», в прыжке от лестницы, была отвесная стена, на нее Ян и запрыгнул. Кирпичная крошка зашуршала под подошвами кед. Ангел с тоской посмотрел вниз: расстояние примерно в пять-шесть этажей. «Упади отсюда, точно шею свернешь...», – сделал он вывод, возвращаясь на твердую землю.

Как раз в этот момент небо расчертило несколько серебристых молний, и хлынул сильный дождь. Ян быстро покинул территорию Кармелит, перебежал дорогу и зашлепал по лужицам в сторону дома.

Вернувшись в пустую квартиру промокшим до нитки, он направился в душ. Высушив волосы и смахнув влагу полотенцем, он переоделся в домашнее. Сидя на кухне и жуя остатки утреннего пиршества, ангел с умиротворением смотрел на льющийся дождь за окном. Капли соединялись в струйки, которые стекали по чистой поверхности стекла, завораживая взгляд. Впрочем, огонь привлекал его гораздо больше, чем созерцание водной стихии.

Убрав посуду в раковину, Ян ушел в свою комнату немного вздремнуть. Он проспал около трех часов, пока его не разбудила вибрация будильника на мобильном. Уткнувшись в подушку, ангел вдруг понял: ему давно никто не готовил завтраки, не заботился, подобно Анжелике. Женщина чем-то напомнила его собственную мать, образ которой почти стерся из памяти: «Она не дожила до того дня, когда я окончил обучение. Не видела, как высоко я поднялся и упал. Не смогла меня поддержать. А я даже не могу вспомнить, как она выглядела...». Ему стало невероятно тоскливо, но он тут же себя одернул: «Хватит предаваться унынию, нужно срочно развеяться».

Ян всегда отличался от других ангелов. Он был подвержен быстрой смене настроения, от которого зависели его дальнейшие слова и действия, обладал собственным видением Света и Тьмы, и это никто из Старших архангелов не мог изменить или принять. Ангел знал, что хорошо, а что плохо. Мог прекрасно выполнять обязанности Хранителя, но халтурил, оправдываясь тем, что если он,

как другие, будет трястись над своим подопечным, тот никогда не сможет самостоятельно идти по жизни и прочно встать на путь истинный.

Переодевшись во все черное, чтобы стать незаметным для человеческого глаза, Ян покинул квартиру. Оказавшись на улице, он закрыл глаза и сделал глубокий вдох. После прошедшего дождя чувствовался запах влаги, скошенной травы и костра: «Проклятье! Я так не смогу ее найти, нужно забраться повыше, чтобы меня ничто не отвлекало». Быстрым шагом он добрался до крепости: в такой поздний час на воротах висели замки, отсекая возможность попасть на территорию. «По кирпичным стенам без единого выступа не так-то просто взобраться на купол», – воровато осмотревшись по сторонам, ангел распахнул крылья и, разбежавшись, подпрыгнул. Подошва кед зашуршала по стене, как если бы он просто шел по ней.

Оказавшись наверху, он довольно улыбнулся, стряхивая кирпичную крошку с джинсов. Темнота и черные вещи прекрасно скрывали его от окружающих. Обогнув стену с западной стороны, Ян совершил еще один прыжок и оказался на куполе. Здесь, сидя на парапете, он мог спокойно сосредоточиться, отдавшись на волю интуиции. «Аромат яблочной ауры подскажет местонахождение девушки...», – взгляд серо-голубых глаз блуждал по окрестности, следя за течением реки Гнилопять, уходящей в сторону Красной горы. «Нет, я не чувствую ее там...», – он сделал глубокий вдох и закрыл глаза. В сознании проявилась карта города с его районами и улицами: «Володарская, Чудновская. Нет! И это тоже не то, попробую по Житомирской...». Перед глазами возникли пятиэтажки, а затем ангел углубился в череду узких улочек: «Русская, Урожайная, Чапаева... сколько же их?!» Он дернул головой вправо так, что шея неприятно хрустнула, и вдруг уловил тонкую нить знакомого аромата. Мысленно он шел по улице Сабурова, пока не оказался перед домом номер девятнадцать. Вокруг витала полупрозрачная женская аура. «Нашел!» – возликовал ангел.

Его наполовину белоснежные крылья раскрылись. Он скользнул тяжелым взглядом по черным перьям: «Так я расплачиваюсь за то, чтобы оставаться таким, какой есть...». Подпрыгнув и оказавшись среди просторов звездного неба, Ян почувствовал толчок упругого ветра в грудь и воспарил над землей.

Подобно нити Ариадны, яблочный аромат вел его за собой к нужному дому. Ян прошептал заклинание невидимости и опустился на блестящую после дождя крышу. Из-за тучи вышла большая желтая луна, осветившая окна-витражи на втором этаже. Дом, в котором жила девушка, был построен из белого камня и

покрыт синей черепицей. Он отличался от других – сделанных из красного кирпича, со старыми поросшими мхом серыми крышами, с покосившимися заборами, скрипучие калитки которых давно нуждались в смазке петель. Участок дома номер девятнадцать был окружен белой кирпичной стеной, защищающей от любопытных соседей. Кованые железные ворота с такой же калиткой не давали возможности забраться внутрь ни одному вору. На ухоженном газоне росли молодые яблони и вишни. Трава под деревьями поблескивала от сырости, а с реки тянуло легким болотным зловонием. В воздухе витали сырость и туман. Окна комнат второго этажа выходили на задний двор, где располагались небольшие овощные грядки и были воздвигнуты две теплицы. Вдоль каменных дорожек расстелились фиалки и благоухающая мята.

«Это должна быть ее комната», — как можно тише Ян съехал по металлической черепице и, схватившись за водосточную трубу, спрыгнул на открытый балкон. Под ногами валялось несколько подушек, на которых он едва не поскользнулся и чудом не уронил стоящую на кованом столике вазу с розами. От алых бутонов отделилось несколько лепестков, упав на пол. Рядом с балконной дверью находились деревянные полки, уставленные толстыми свечами.

«А здесь уютно, но если сидеть, для меня будет узковато, нельзя вытянуть ноги...», — он скользнул взглядом по железной решетке с орнаментом, а затем заметил тонкую полоску света, появившуюся под дверью комнаты. Скрип ручки — и в спальне зажегся светильник. Белесый тюль мешал рассмотреть детали, но когда дверь открылась и внутрь вошла хозяйка, Ян замер.

Девичье тело было обернуто полотенцем, спутанные мокрые волосы после душа забавно торчали в разные стороны. Девушка открыла балконную дверь и впустила прохладный ночной воздух внутрь.

Полотенце она повесила на открытой дверце шкафа и начала приводить себя в порядок: пальцы скользили по нежной коже, втирая крем, затем она просушила феном волосы. Ян сидел на балконе, прижавшись спиной к холодной стене, и наблюдал за ней. Ветер всколыхнул тюль, дав возможность разглядеть тонкие черты женского лица, все изгибы стройного пропорционального тела, изящную шею и коротко стриженный затылок. Но все, что сейчас представляло для Яна реальный интерес — яблочный аромат: «Странно, но обычные люди так не пахнут...».

Девушка быстро причесала волосы и оделась. Еще несколько минут она водила кисточками для макияжа по своему личику, после чего покинула комнату. Свет в спальне погас, погрузив ее во мрак.

Ян вовремя выглянул с балкона в сторону железных ворот: «Пошла гулять...». Ангел взмыл в небо. С высоты птичьего полета, освещаемый лунным светом, он прекрасно видел дорогу, по которой шла девушка. Как только она подошла к белой высотке общежития, Ян опустил на землю поблизости. Дальше он шел пешком, держась на приличном расстоянии.

«Миновали рынок, теперь идем в сторону парка, как же ей не страшно бродить одной по темным улицам...».

Выйдя в центр города у «Универмага», девушка ускорила шаг и подошла к высокому темноволосому парню; тот поприветствовал ее милой улыбкой и заключил в объятия, от которых она вздрогнула, а затем расслабилась.

– Привет, Дим!

В его сильных руках девушка выглядела миниатюрной и хрупкой: казалось, одно неверное движение – и она сломается.

– Ну, як ти, маленька?[12 - Ну как ты, маленькая?] – заботливо спросил Дима, чуть отстранившись и глядя в ее глаза.

Девушка пожала плечами и ответила сдавленным голосом:

– Жива, что мне станется...

– Да ладно тебе! – он погладил ее по голове. – Ты в Бердичеве, все супер! Не перемайся[13 - не переживай.], Эва! – Дима взял ее за руку, и они пошли по освещенной улице.

Ян не отставал, внимательно слушая их разговор: «От него исходит сильная энергия. Из таких смертных всегда выходили отличные воины. Например, в Валгалле».

– Я надеюсь, ты отошла от своего бывшего. А то зовсім схудла, страшненька така стала[14 - совсем похудела, страшненькая такая стала.]! – шутливо сказал парень, уверенно шагая по улице и ловя на себе женские взгляды.

– Еще не отошла, но уже немного лучше... – она крепче сжала его руку, – похудела, это точно, на работе тоже заметили. Поэтому я поскорее приехала сюда, чтобы набраться сил и поесть маминой стряпни.

Дима бросил на нее довольный взгляд:

– Ось і добре! Погуляеш, розвієшся, поправишся на пару кілограмів![15 - вот и хорошо! погуляешь, развеешься, поправишься на пару килограммов.]

Парочка подошла к площади Героев Майдана, где их поджидала компания из нескольких человек. Все радостно приветствовали Диму, пожимая ему руку, при этом парень ни на шаг не отходил от Эвы, как бы оберегая ее от любопытных друзей, которые с интересом рассматривали приезжую.

– Ну что, народ, куда пойдём? – лениво поинтересовался Дима, держа руку на плече Эвы.

Ян почувствовал легкое вождение, исходящее от парня: «Он ей симпатичен, но она не позволит сделать с собой ничего лишнего. Будь на ее месте другая, то давно бы льнула к такому парню всем телом, чуть ли не вжимаясь в него. А она сдержанна и спокойна... – он почувствовал тонкую связь между их душами, – они просто хорошие друзья и давно знакомы».

– Пойдемте на пляж, там тоже есть кафе. Можно выпить пивка! – предложил один из присутствующих.

Никто не возражал, и компания дружно перешла дорогу, оказавшись на улице Маяковского. Здесь было еще темнее, чем в парке, но Ян прекрасно видел во мраке. А вот девушкам не повезло: некоторые шагали на каблуках и с удовольствием хватались за парней. Эва слушала спор Димы с другом, Яну же эта болтовня не представлялась интересной. Все, что было важно ангелу – самочувствие девушки. Выражение на ее лице могло рассказать о многом: «Если пару часов назад ее состояние было подавленным, то сейчас, благодаря исходящей от Димы энергии, она восстанавливается и чувствует себя лучше».

Сидя в кафе у пляжа, где расположилась компания, Ян обдумывал план дальнейших действий: «Мне необходимо втереться в доверие к Диме, и тогда я с легкостью смогу сойтись с Эвой, не вызвав подозрений». Так он и поступил. Улучив момент, когда парень оставил подругу, чтобы поговорить с кем-то по телефону, ангел вышел за ним на улицу и незаметно для окружающих снял с себя чары.

– Мам, да я гуляю! – раздраженно ответил Дима. – Буду поздно, все! – он нажал на кнопку отбоя и засунул мобильный в задний карман.

Но стоило развернуться, как перед ним, словно из ниоткуда, появился Ян. Он смотрел в его удивленные глаза цвета шоколада, под которыми залегли небольшие круги от недосыпа: «Брови у него странной формы, заостренные кверху, будто их нарисовали. Но он привлекательный, неудивительно, что на него обращали внимание девушки, пока они с Эвой шли по центру».

– Ми знайомі?[16 - Мы знакомы?] – Дима сделал шаг назад, ему не понравилось, что какой-то неизвестный тип стоял слишком близко.

Ян положил руку на его плечо и по-украински ответил:

– Звичайно ж знайомі! Ти що не впізнав мене?![17 - Конечно же знакомы! Ты что не узнал меня?! Вместе учились в политехническом колледже.] – от прикосновения ангела по ауре Димы прошла рябь. Из карих глаз ушла настороженность. – Я – Ян, в політехнічному коледжі разом навчалися, – беззаботно врал он, ощущая, как Дима поддается магии внушения. Сначала парень встряхнул головой, приводя мысли в порядок, а затем протянул Яну ладонь для рукопожатия:

– Ян! Як це я не взнав тебе! Скільки років, скільки зим![18 - Как это я не узнал тебя! Сколько лет, сколько зим!] – прикосновение рук завершило процесс, и теперь Дима полностью доверял Яну, в его сознании ангел был близким другом, с которым они хорошо общались в студенческие годы.

– Я тут із компанією. Давай з нами! Вип'ємо пива, пригадаємо минуле![19 - Я тут с компанией. Давай с нами! Выпьем пиво, вспомним прошлое!] – предложил Дима, на что Ян сначала якобы стеснительно отказался, сославшись на то, что не

хочет никому мешать, но Дима уговорил его, и пришел черед ангелу познакомиться с Эвой: «Все складывается как нельзя лучше. Так я смогу узнать ее поближе».

Вернувшись в кафе, Дима представил Яна, а поскольку остальные уже успели изрядно подвыпить, им не составило труда быть дружелюбными к новому знакомому. Ангел занял место рядом с Эвой, они обменялись приветственными улыбками, и Ян стал аккуратно прощупывать темы для общей беседы. Они болтали о малозначительных для него вещах: учебе, работе, увлечениях.

Затем Эва проявила инициативу, и они обсудили кино, поделившись мнением о последних картинах, которые видели в кинотеатрах, о любимых режиссерах. Как оказалось, девушка жила в Москве, а в Бердичев приехала на лето к родителям и друзьям. И, поскольку двум жителям мегаполиса было о чем поговорить, другие собеседники сами собой отпали. Сидевший рядом с Эвой Дима вышел покурить с парой девушек, пока другие парни заказывали еще пива и обсуждали футбол.

Ян чувствовал, что Эва прониклась к нему симпатией, у них действительно оказалось много общих интересов. Они решили обязательно списаться в социальных сетях и, пока Эва в городе, выпить кофе. «Впервые после Киры я так легко общаюсь с девушкой, и мне действительно интересно. Но что же все-таки с ее аурой, почему она такая странная?», – недоумевал ангел, разглядывая лицо Эвы, наблюдающей за Димой, который о чем-то весело переговаривался с подругами.

Никаких волн ревности или тоски Ян не ощутил, но заметил, что в Эве немного убавилось энергии, стоило Диме оставить ее: «На энергетического вампира она не тянет, что же тогда?».

Народ собрался вместе, все расплатились, и компания двинулась обратно в центр. Возникла идея дождаться полночи, взять такси и поехать в клуб «Зодиак», где заскучавшие девушки смогут потанцевать, а парни покурить кальян и выпить чего-нибудь покрепче пива. Так и поступили.

Дима шел впереди, а Ян и Эва позади всех.

– Честно говоря, не хочется возвращаться в Москву... – печально произнесла девушка. – У меня там, кроме учебы и работы, больше ничего нет.

Присмотревшись, Ян заметил три серебряных пики в мочках ее ушей: «Она напоминает ежа: агрессивные сережки, настороженное отношение к другим парням. А я со своей ангельской энергией обогнул всю ее тактику защиты».

– Послушай, Эва, ты сама придумала эту прическу?

Девушка машинально коснулась затылка:

– Да! От меня все парикмахеры в шоке!

– Креативно! Эдакая асимметрия. Спереди длинные пряди, сзади коротко...

– Хочешь потрогать затылок? – азартно предложила Эва, в ее каре-зеленых глазах блеснул детский восторг.

Ян немного смутился, но все же согласился.

– Ну, ладно... – сначала он коснулся тонкой женской шеи, ощутив подушечками пальцев нежную кожу, а затем короткие, как щетина, волосы после недавней стрижки.

– Забавное ощущение, как будто глажу ежика! – он убрал руку в карман джинсов.

Эва рассмеялась, деликатно прикрыв рот рукой. Этот жест напомнил Яну времена, когда девушки носили корсеты, обмахивали напудренные лица пушистыми веерами и так же смущенно прикрывали алые губы, когда смеялись: «Она словно из другой эпохи, хотя, возможно мне это только кажется...».

Так, всей дружной компанией, они вернулись к площади.

– Сейчас подождем еще пару человек и двинем в «Зодиак», – изложил план действий Дима. – Что-то пить захотелось, Эва, ты что-нибудь будешь?

– Да, купи мне «Биолу» со вкусом персика, а если не будет, то с вишней, – девушка присела на лавку.

Дима и двое других парней пошли в продуктовый магазин «Люцина», а остальные остались их ждать. Пара девушек пыталась разговорить Яна, но его односложные и вежливые ответы заставили их отступить и бросать колкие взгляды на Эву. Ведь только с ней Ян и общался. «Его приятно слушать, он не использует жаргон и держится так статно, словно аристократ», —мысли Эвы прервал пронзительный взгляд серо-голубых глаз Яна. Девушка даже не подумала смутиться: «Я не боюсь прямолинейных людей, не боюсь таких взглядов, и ты это понял», – мысленно ответила она, после чего ее отвлекла одна из подруг. Пока девушки о чем-то разговаривали, Ян постарался успокоить участившийся пульс: «Она только что говорила со мной! Но она даже не ведьма!», – ангел был настолько ошеломлен, что не сразу ощутил прикосновение холодных пальцев к щеке.

Эва убрала руку.

– Ты такой горячий, с тобой все в порядке? – она скользнула изучающим взглядом по его шее, где пульсировала вена, – может, у тебя давление?

– Да, что-то голова резко заболела. Может, ты и права – давление, – он наигранно улыбнулся, – какой я старый... – еще одна фальшивая улыбка сорвалась с его губ.

Дима вернулся с бутылкой персикового сока.

– Благодарю вас! – Эва кокетливо улыбнулась ему и аккуратно отвинтила крышечку.

Вдруг Дима помахал кому-то рукой, и все взгляды устремились к вынырнувшей из полумрака высокой фигуре.

– Какие люди! – воскликнул он, подходя к черноволосому парню и пожимая ему руку. – Лазарь, а ты чего в одиночестве шатаешься по городу?! Ребята, кто не знает – это Лука Лазарь, мой школьный приятель.

Все дружно поздоровались, Эва и Ян остались в стороне. Им было любопытно, что же это за Лука, который пожал парням руки и добродушно улыбнулся девушкам.

– Да вот, с вокзала иду. Думал кое-что дописать для своих заметок, но не получилось. Ну, а ты куда собрал столько народу?

– В «Зодиак» поедem. Сегодня четверг, девушкам вход бесплатный, – пояснил Дима, – кстати, ты когда обратно в Москву?

Лука поправил рюкзак на плече:

– Скоро. Уже авиабилеты купил, вылетаю из Киева, осталось чемодан собрать, и снова на полгода в столицу.

– Знаешь, а ведь многие только и мечтают жить в Москве. Большой город, столько возможностей, – Дима развел руки в стороны. – У тебя всегда есть работа, так что радуйся.

Лука прекрасно знал, что в Бердичеве много проблем. Дима, например, крутился на двух работах, чтобы обеспечить себя, а не сидеть на шее родителей, как делали многие его ровесники.

– Кстати, Лу, ты ведь еще не знаком с моей подругой, – Дима кивнул в сторону Эвы. – Мы знаем друг друга с детства. Но она давно сюда не приезжала, а когда-то каждое лето гуляли вместе! – он помахал девушке рукой, и та подошла к ним, за ней последовал Ян.

– Это Ян и Эва. С Яном мы учились в колледже и сегодня встретились возле пляжа.

Ян и Лу одновременно протянули ладони для рукопожатия, и как только их руки соприкоснулись, ангела пронзило легким разрядом тока. Так бывает при встрече ангела со своим подопечным. Озарение не заставило себя ждать: душа Луки открылась Хранителю всеми гранями, однако она была странной, подернутой темной пеленой. Это насторожило Яна.

Ангел не любил людей с гнилыми душами: смотришь на человека, вроде симпатичный, одет со вкусом, весь ухоженный, приветливо тебе улыбается, а заглянешь глубже – сплошная грязь. Все прогнило, не хватает только червей. «Он другой, в нем есть что-то... особенное», – Ян пока толком не смог определить, что именно, но для этого его и приставили к Луке. «Случайностей не бывает. От судьбы не уйдешь», – ангел постарался скрыть широкую улыбку.

– Приятно познакомиться, – Лу был очень вежлив, но по-прежнему смотрел на Эву.

– Так что, Дим, мы поедem в «Зодиак»? – она убрала челку за ухо.

Обернувшись к компании друзей и увидев, что все на месте, он согласно кивнул:

– Да, отправляемcя, – и перевел взгляд на Луку. – Не хочешь с нами?

Лу очень хотелось, но почему-то из всей компании только Ян его напряг: «Странное ощущение, ведь мы только что познакомились. Почему же он мне не нравится?»

– Нет, Дим, в другой раз, – Лука покачал головой. – Эва, Ян, было приятно познакомиться, еще увидимся! – попрощавшись со всеми, он двинулся по улице в сторону своего дома.

Стоило отойти на некоторое расстояние, как раздражение на нового знакомого так же быстро улетучилось, как и появилось.

В последний момент Лука обернулся и увидел, как Ян галантно открыл дверцу такси, и Эва села в машину. Ангелу не нужно было поворачивать голову, он и так чувствовал, что подопечный смотрит в их сторону: «Извини, приятель, но сегодня она интересуется меня больше, чем ты».

Как только две машины с компанией уехали в «Зодиак», Лу пару минут потоптался на месте и, сунув руки в карманы, направился к парку. Он жил в высотном доме на улице Житомирской рядом с Центральным рынком.

Устроившись на балконе, он слушал музыку и наслаждался ночной прохладой. «Я сделал пометки в блокноте, но на большее нет вдохновения», – с грустью отметил Лу. Ему вспомнилась Эва: короткая стрижка, черные блестящие волосы, узкое лицо с точеными чертами. «Такую здесь не встретишь».

Большой город ему не нравился, он был слишком шумным и быстро утомлял. Лука вообще не мог подолгу находиться в одном месте – его постоянно тянуло путешествовать. С матерью они объездили всю Италию, а позже он с группой студентов побывал в Испании. Вкусив образ такой привлекательной Европы, Лу стал путешествовать один, но мечтой всей его жизни осталась Скандинавия с ее мифами о языческих богах и валькириях.

Возвращаясь к мыслям об учебе, он задумался: «Чем же я буду заниматься после окончания университета? Возможно, поеду в Бельгию, а чуть позже можно вернуться во Флоренцию, – в горле появился неприятный ком. – Мама... – они не виделись несколько месяцев – Главное не ударить в грязь лицом перед ней и бабушкой». Что касается отца, то до его мнения Луке не было никакого дела.

У Луцио имелись галереи и собственное творчество, мечты и планы, которые он успешно воплощал в жизнь. Среди всего этого не находилось места семье.

В Москве Лу жил один в своей квартире, и с отцом они виделись редко. Лука давно смирился с тем, что Луцио не бывает рядом и что это не такая большая потеря для него. Но мать говорила другое: «Отец любит нас. Но не может быть одновременно и с семьей, и со своей работой. Наш развод был освобождением для каждого. Луцио всегда будет тебя поддерживать, чтобы ты ни в чем не нуждался».

После развода мама так и не вышла замуж. У нее не было никаких отношений. Странно, но этот факт успокаивал Луку, потому что было неприятно представлять кого-то рядом с ней. Да и очередной «папаша» ему не нужен.

Изрисовав пару страниц блокнота незамысловатой геометрией, он раздраженно бросил его на пол: «Сейчас Дима развлекается в клубе, интересно, что делает Эва? Хотя какая мне разница?», – чтобы успокоиться и не думать о девушке, Лука отправился спать.

Глава 3

Ян очнулся от странного ощущения тепла и нежности. Захотелось растянуть это чувство, но оно ускользало вслед за растаявшей ночной дремотой.

В квартире стояла тишина. «Наверное, Анжелика ушла на работу, – он широко зевнул, – интересно, она оставила что-нибудь на завтрак?» – ангел перевернулся на бок и вздрогнул: рядом лежала Эва. Девушка крепко спала, свернувшись калачиком. Почти минуту Ян рассматривал ее коротко стриженный затылок и обнаженное плечо, выглядывающее из-под одеяла.

Ангел приподнялся на локтях, озадаченно сдвинув брови: «Теперь понятно, откуда эти приятные ощущения». От женской шеи пахло яблоком. «Сейчас аромат более тонкий, чем ночью, – он бесшумно встал с дивана, – если бы между нами что-то было, я бы точно это вспомнил», – Ян потянул футболку на своей груди, убеждаясь, что он полностью одет. Скользя босыми ступнями в мягкие тапочки, пошел в ванную, где плотно закрыл за собой дверь. Стоя у белоснежной раковины, ангел чистил зубы и прокручивал в голове ночные события: «Мы приехали в «Зодиак» и, естественно, эта дружная компания смертных напилась до самых чертиков, затем девушек повели танцевать, я тоже танцевал». Перед глазами мелькнул эпизод: то он с одной барышней, то с другой, то с самой Эвой. «Водка, виски, энергетические напитки и кальян – со всей этой смесью Эве, естественно, стало плохо, бедняжку тошнило в уборной, пока ее подруга суетилась рядом, – он поставил зубную щетку в стакан и промокнул подбородок полотенцем, – я все так же хорош. А вот другим сегодня утром не повезет». Ангел улыбнулся отражению в зеркале и взлохматил волосы на макушке: «После танцев и выпитого алкоголя Эве было не до веселья – давление резко упало. Насколько я помню, ее добродушная подруга, цепляющаяся за руку Дмитрия, утверждала, что Эвочке ни в коем случае нельзя в таком виде домой, её родители отругают, – Ян недовольно скривил губы, – да уж, эта «искренняя забота»! Тошно от подобного лицемерия», – он вышел из ванной.

На столе в кухне стояла тарелка, накрытая бумажной салфеткой. «И что же у нас здесь такое аппетитное?» – Ян поднял салфетку и увидел греческий салат, яичницу с колбасками и пакет апельсинового сока. «Обожаю, когда все включено», – ангел довольно улыбнулся и принялся за завтрак.

Его не волновало, что подумала Анжелика, когда увидела его на пороге своей квартиры с Эвой на руках, и тем более что подумает сама Эва, когда проснется. «Возможно, она многое и не вспомнит», – думал Ян, жуя листья салата. Пока он доедал завтрак, в кухню вошла девушка: не до конца проснувшись, с включенными волосами – это позабавило ангела, и он предложил ей стакан сока:

– Доброе утро, надеюсь, тебе уже лучше?

«Хорошо, что у меня хватило сил принять душ и переодеться в чистую одежду, когда Ян попытался уложить меня спать в чем я приехала из клуба», – подумала Эва. На ней была свободная майка, которую одолжила Анжелика, а после заботливо хлопотала над девушкой, пока та глотала горстку активированного угля и дрожала от озноба.

– Доброе, и да, мне гораздо лучше, – улыбнулась она. – Благо, я не страдаю похмельем, – Эва сделала пару глотков сока и поставила стакан на стол, – я знаю свою меру, но вчера мало ела и быстро опьянела.

Ян усмехнулся мыслям девушки о ее внешнем виде и налил еще сока:

– С кем не бывает...

«Конечно же, кроме меня. Чтобы я напился, нужен виски из самой Нижней Аиды».

Эва еще больше смутилась:

– Со мной это редко случается. Извини, что так получилось, и спасибо тебе.

Ангел снова ощутил то же тепло, что и утром:

– Не за что. На моем месте так поступил бы любой мужчина.

«С мужчиной я погорячился. Ведь в ее глазах мы ровесники...».

– Так что приводи себя в порядок, садись завтракать и расскажи обо всех своих бедах! – он беззаботно улыбнулся: «Хотя я и так все про тебя знаю. К сожалению».

Эва ушла в ванную умываться.

Прошлым вечером

Девушка храбрилась по поводу своего алкогольного опьянения. Ночью, когда они выбрались из машины у дома Анжелики она даже не могла стоять. И, если бы Ян вовремя не подхватил Эву, та упала бы на мокрый асфальт.

Она еще что-то лепетала, пытаясь заставить заплетающийся язык выразить слова благодарности, но не получилось и она просто поцеловала Яна в губы. Поцелуй был ему приятен, хоть и отдавал на вкус алкогелем, но ангел не был готов к тому, что последовало затем: сам того не желая, он с головой окунулся в ауру девушки. Одурманенный яблочным ароматом, заставляющим сердце биться быстрее, Ян попытался разорвать образующуюся связь, но побоялся оттолкнуть Эву, причинив боль.

Душа Эвы раскрылась для Яна чувствами предательства и сожаления. От боли, переполнявшей ее сердце, ангел невольно сжал хрупкие женские плечи. Они целовались всего лишь несколько секунд, пока девушка не начала сползать по его груди, проваливаясь в сон. Как раз здесь Ян и подхватил ее на руки.

Его щеки пылали, но в квартиру Анжелики он вошел абсолютно спокойным.

– Привет, Анжела, – устало улыбнулся хозяйке. – Принимай больную и голодного на постой! – ангел захлопнул дверь и сбросил кеды.

Женщина быстро заморгала, а затем принялась активно хлопотать вокруг Эвы, которая очень кстати пришла в себя, и ее стошнило в вовремя подставленное ведро. Дальше «больной» занималась только Анжелика. Ян отправился в душ, а затем к себе в комнату.

«Не повезло девчонке в отношениях. Все обманывают, бросают, предают. А она принимает все близко к сердцу, страдает», – он вышел на балкон и заурил. Ангелу очень нравилась эта человеческая привычка – курить. Так думалось легче и, что греха таить, его легким ничем не грозило: он бессмертный с быстрой регенерацией.

Балконная дверь со скрипом открылась, и на дымок заглянула Анжелика. Вытащив из своей пачки тонкую сигаретку, она прикурила у ангела.

– Ну и ночка! – она потерла висок с пульсирующей голубой венкой. – Ах, где моя юность? – женщина с улыбкой посмотрела на Яна.

Ангел широко улыбнулся в ответ, обнажив белоснежные ровные зубы:

– Она все еще с тобой, просто физическая оболочка слегка постарела, как это обычно и бывает...

Анжелика раздраженно встряхнула копной завитых волос:

– Я уложила девочку к тебе на диван, так что смотри, не шали! – весело подмигнула Яну и, докурив, ушла к себе в спальню.

Ангел затушил сигарету в пепельнице и повернул голову в сторону дивана. Мокрые волосы Эвы разметались по подушке, веки закрытых глаз слегка подрагивали. «Такое хрупкое и беззащитное создание – человек», – он вошел в комнату и опустился на край дивана. Его ладонь скользила над головой и спиной девушки, не прикасаясь к коже – прощупывая, не повреждена ли ее аура. К сожалению, Ян увидел те самые следы, которых не должно быть у здоровой души. Аура, точно зеркало, отражает всё плохое из жизни смертного, оставляя яркий отпечаток произошедшего. У кого-то это отметины в виде креста – знак проклятия, у кого-то – странные, как синяки, фиолетовые пятна боли и обиды, или же багровые ожоги, следы насилия.

У Эвы были тонкие черные рубцы предательства. Ее аура стала подобием стекла, окружившего личность Эвы защитным куполом. Его-то Ян четко и видел своим ангельским зрением. «У тебя никогда не было хранителя, который смог бы уберечь от плохого», – укрыв ее одеялом, он лег рядом на небольшом расстоянии.

Как только с водными процедурами было покончено, Эва вернулась к столу и с аппетитом съела обильный завтрак. Ян даже сварил кофе, и когда они устроились на балконе, нежась под теплыми лучами солнца, Эва призналась:

– Давно такого не было, чтобы я познакомилась с человеком, и за сутки появилось ощущение, будто мы давно друг друга знаем, – она сощурилась от луча, бьющего через открытое окно. Ангел сделал глоток кофе, он не хотел, чтобы у девушки зародилась надежда на романтические отношения:

– Да, я чувствую то же самое. Но алкогольное опьянение и то, что я помог тебе, еще не показатель доверия. Но мне тоже с тобой комфортно и приятно общаться...

Эва усмехнулась и похлопала ангела по плечу:

– Расслабься, Ян, я не стану бросаться тебе на шею, как это делали подружки Димы, и уж тем более агитировать на отношения.

«Я не готова к этому», – плакала ее душа. Ян слышал этот плач: «Как печально, что я не твой ангел-хранитель...»

– В таком случае, я спокоен за свою честь, – он довольно улыбнулся, умело скрывая неприятное ощущение внутри.

Они пили кофе, болтали на разные темы. Эва поделилась с ним всем, что с ней произошло, хотя он уже это знал, но понимал – ей необходимо выговориться. За утро Ян только один раз вспомнил о своем подопечном – Лука его настораживал. «У него странная аура и не менее странные глаза. Я заглянул в них и увидел тьму. Она лежала на самом дне зрачков...», – ангел машинально потянулся к пачке с сигаретами и, щелкнув зажигалкой, закурил.

Эва наблюдала как Ян выпускает дымные кольца, затем переместила взгляд на его запястье с татуировкой: два перекрещенных черных ключа массивного вида, как от старинных замочных скважин в средневековых замках.

«Интересно, что они обозначают?» – но вслух не спросила, рассматривая надпись на другой руке Яна на латыни: «In nomine Patris, et Filii, et Spiritus Sancti»[20 - Во имя отца, и сына и святого духа.].

Вечером они снова собрались всей компанией, и в этот раз Лука гулял с ними. Он весело общался со всеми, но почему-то именно с Яном держался отстраненно. Ангел выжидал. Так проходили дни, а затем и недели.

Однажды было предложено устроить поездку за город в Кустын[21 - село под Бердичевом.]. Парни прихватили мангал с шампурами и выпивку, девушки замариновали мясо. В субботний вечер на двух машинах компания отправилась на шашлыки.

При встречах Ян с Лукой обменивались незначительными фразами, шутили, подкалывали друг друга, но никто из них не переигрывал в дружелюбии.

Устроившись вокруг костра и слушая забавные истории, Ян внимательно наблюдал за подопечным: Лука сидел рядом с Эвой на бревне, они о чем-то шептались. Дима занимался шашлыками, стоя у мангала и аккуратно переворачивая шампуры с кусочками мяса и лука.

У Яна заурчало в животе. «Да, я бы не отказался перекусить. Пахнет аппетитно... А между этими двумя возникла симпатия», – он видел интерес в глазах Луки и как Эва улыбается ему в ответ. «Учеба, работа, общие увлечения – все как всегда», – с тоской думал ангел, переводя взгляд на блестящую гладь реки, в которой отражалась луна. Компания расположилась неподалеку от дубовой рощи, чтобы костер не привлекал лишнего внимания. Девушки удобно устроились на двух покрывалах, нарезая овощи для салата.

Эва достала из рюкзака тонкую стеганую куртку и надела поверх толстовки, ее немного знобило.

Ян видел, что Луке хочется взять девушку за холодные руки и согреть их, но подопечный так и не решился. Эва поднялась с бревна и, шепнув что-то подруге, прошла между деревьев в лес. Пока мужская половина дружно занималась шашлыками, снимая их с шампуров и перекладывая в кастрюльку, девушки открывали бутылки с пивом.

– М-м-м, как вкусно! – попробовав мясо, одобрил Ян. – Дим, ты, оказывается, тот еще кулинар! Похвала была принята широкой улыбкой.

– И правда вкусно, Дим, я такого шашлыка давно не ел! – согласился Лука.

Повар гордо выпятил грудь, открывая бутылку минералки:

– А как же! Ты там в своей Европе одни спагетти с тефтельками жуешь, а наше парное мясо сто лет не пробовал! Ну, давайте, народ! Чтоб елось с аппетитом, а мы собирались почаще!

Все дружно поддакнули и поддержали тост. Кто-то достал гитару и заиграл мелодию группы «Океан Эльзы».

Возникшая непонятно откуда тревога накатила на Яна так быстро, что он едва не выронил тарелку. Ангел осмотрелся: «Эва до сих пор не вернулась. Неужели поход по нужде так затянулся?» – он отложил еду и вытер руки салфеткой.

– Оставьте мне немного, иначе все съедите, – подмигнув парням, он встал с покрывала и направился в сторону высоких дубов.

– Да ты не торопись! – крикнули ему вдогонку. – Как съедим, так сделаем еще! – и все дружно засмеялись.

Ян быстрым шагом углубился в лес и очутился у длинного оврага. Неожиданно он услышал ласкающий звук флейты, а затем дивный женский голос, напевающий древнескандинавскую песню. Меж черных стволов деревьев пробивались белесые лунные лучи, а вдоль усталой еловыми иголками земли расстилался голубоватый туман. Он клубился под ногами Яна, обволакивая джинсы и заставляя ежиться от холода и сырости.

Из-за деревьев вышла девушка. Сначала Ян принял ее за Эву, но потом заметил, насколько она отличается: холодный взгляд пронзительных бирюзовых глаз, заострившиеся черты узкого лица. В лесном полумраке ее белоснежная кожа едва заметно светилась. По гордо расправленным плечам струились длинные иссиня-черные волосы, средневековое платье цвета темной бирюзы подчеркивало тонкую талию, затянутую в корсет, расшитые серебряными

нитями рукава облегли изящные руки, а длинный подол волной стелился по земле. От этой девушки веяло древней магией, воздух вокруг был буквально пропитан ею.

Ангел стоял на месте, боясь шелохнуться и спугнуть видение. «Она так похожа на Эву, но вместе с тем совершенно другая», – холодная красота «королевы» завораживала, а ее взгляд заставлял трепетать. Ян сделал шаг навстречу, но незнакомка даже не шелохнулась, она ждала, когда к ней подойдут.

– Кто ты? – спокойно спросил он, коснувшись ладонью того же ствола дерева, о которое опиралась она.

Незнакомка посмотрела на руки, между которыми оставались миллиметры, и покачала головой: «Нас услышат, – она переплела свои пальцы с его, – еще не время мне выходить из тени... – но, видя озадаченный взгляд Яна, продолжила: – Когда-то мы встретились с тобой, но ты не помнишь об этом».

Чувствуя ее руку, Ян еще сильнее ощущал древнюю магию. «Ты чародейка? Но твоя душа почему-то находится между двух граней – жизнью и смертью. Я не вижу твоей ауры, ты и этот лес – единое целое».

Девушка сжала его ладонь, но взгляд ее бирюзовых глаз был полон тоски: «Ты должен вспомнить нашу первую встречу и помочь мне пробудиться!» – попросила она, коснувшись его щеки обжигающим холодом.

Он стал четко слышать знакомые голоса, его больше не окружала лесная сырость, а колени согревало тепло костра.

– Эй, Ян, передай мне кетчуп! – мужской голос резко вырвал ангела из видения.

Он сидел на бревне с пластиковой тарелкой в руках, кусочки шашлыка давно остыли. Есть расхотелось. Все, в том числе и Эва, были на своих местах. Мелодия гитары разносилась по лесу, народ весело пел, и только ангел сидел как пришибленный. Его пальцы до сих пор ощущали ледяное прикосновение чародейки. Отойдя к берегу реки, он с облегчением закурил: болотный запах реки ударил в нос, и ангел поморщился. Закрыв глаза, он прислушался: шумела

река, шуршали заросли камыша, громко квакали лягушки, в траве стрекотали кузнечики. «Я должен вспомнить, где мы виделись. Такие встречи не забываются...», – Ян открыл глаза и посмотрел в сторону костра. Лица присутствующих были озарены оранжевыми бликами огня: «Такие юные и беззаботные. Что им до Тьмы и Света!».

Когда компания начала собирать вещи, Ян увидел, что Лука и Эва сели в одну машину. Для ангела это не имело никакого значения, и он опустился на переднее сидение.

– Нужно почаще выбираться, – усталым, но довольным голосом сказал Дима, заводя машину. – Каждому необходим отдых от трудовых будней. Ты не согласен? – он поправил зеркало заднего вида и перевел взгляд на Яна.

– Еще как! – ангел кивнул, улыбнувшись фирменной полуулыбкой.

Ян вообще не любил улыбаться, но когда это делал, походил на хитрого лиса, задумавшего шалость. Машины тронулись с места; люди покидали лес, оставляя потушенный костер с черными угольками сгоревших поленьев.

Когда Яна высадили у его дома, он поднялся на свой этаж, тихо вошел в квартиру. От витавшего по комнатам аромата еды у Яна проснулся зверский аппетит: «Парой кусочков шашлыка сыт не будешь...». На столе красовалась тарелка с горкой вареников, миска салата, баночка домашней сметаны и кувшин компота. «Вкуснятина!» – Ян с облегчением скинул пропахшие костром жилет и балахон. Усевшись за стол, начал уплетать вареники с картофелем один за другим.

В кухню вошла Анжелика в длинном пеньюаре цвета шоколада:

– Мне вот не спится, – присев рядом, она с умилением наблюдала как парень ест. – Ты чего всухомятку? – положила приличную ложку сметаны ему в тарелку и налила в кружку компот. Делая маленькие глоточки, Анжелика молча разглядывала окна дома напротив.

«Ей очень одиноко, но после Михаила она не хочет ни с кем сближаться», – наевшись вареников, Ян отодвинул тарелку. «Анжелика смирилась со своей участью. И все, что ей осталось – заботиться о близких», – теперь ангел понял,

почему Михаил больше не брал себе ни одного подопечного – он не хотел ни к кому привязываться. «Поэтому он не вернулся к ней, решил, что так она сможет забыть его и жить нормальной человеческой жизнью. Как заблуждаются светлые, думая, что хорошо, а что плохо для людей. Человек сам за себя решает, а те, за кого решили другие, обречены, как это случилось с ней», – он внимательно изучил ауру Анжелы и заметил печать одиночества.

– Иди спать, тебе же с утра на работу... – заботливо сказал Ян.

«Общаясь с компанией Димы я сблизился с Лукой. Мы с ним похожи на двух старых знакомых, которые вежливы, но при этом держат некоторую дистанцию. Но Лу не так прост, как кажется на первый взгляд. У него свой круг лиц, с которыми он общается, и ему этого хватает. Он знает, какую выгоду принесет тот или иной человек, но не использует это. Например, со мной Лу стал водить дружбу чтобы понять, есть ли между мной и Эвой отношения».

Ян вышел на балкон и закурил, выпустив струйку дыма, преобразившуюся в незамысловатые узоры. С Эвой они общались исключительно как друзья, но какой бы веселой девушка ни была на людях, она по-прежнему оставалась несчастной и опустошенной, и лишь Ян видел это в ее каре-зеленых глазах. Впервые за долгое время ангел почувствовал жалость, хоть и наложил печать на подобные эмоции: «Благодаря мне – Эве постепенно будет становиться лучше. Трещины в ее ауре уже не такие заметные, но, с другой стороны, есть вероятность, что она может привязаться ко мне, начать испытывать нежные чувства».

Вибрация от мобильного отвлекла Яна, и он раздраженно ответил на входящий звонок.

– Здравствуй, Лука, – ангел устало закрыл глаза. – Нет, я не занят, – «Только собственными размышлениями, от которых ты меня отвлек», – конечно, поеду в Кустын. Не могу пропустить шашлыки от Димы, так что до встречи! – нажал на кнопку отбоя. – Ох, Лука... – Ян потер виски, у него резко заболела голова. «Что же за день меня ожидает?»

Компания собиралась каждые выходные, и ангел не мог не присутствовать: «Мне кажется, я скоро разделю себя пополам. Одна половина – подопечному, а другая – Эве». Мысли о совместном отдыхе в Кустыне заставили его сердце биться чаще. «Я снова смогу увидаться с чародейкой, но мне так и не удалось вспомнить о том, как мы встретились».

В этот раз шашлыками занималось сразу трое парней: они нанизывали кусочки мяса на шампуры, а остальные ребята устроились вокруг костра. Дима разжигал огонь в мангале, его пальцы были испачканы угольной сажей, а рядом стояла девушка, готовая полить ему на руки воду.

Лука с Эвой о чем-то болтали. Ян, в свою очередь им не мешал. Нервы у ангела были натянуты: хотелось бросить этот детский сад и сбежать в лес. В конце концов, он так и сделал.

Минуя в полумраке черные стволы дубов, Ян ощутил, как джинсы стали неприятно влажными от сырости. Подул прохладный ветер, принес с собой запах кладбища. Тени сгустились, и вдоль покрытой мхом земли расстелился густой туман, обволакивая корни деревьев. Из-за мощного дуба появилась фигура чародейки.

Её длинные волосы разметались по плечам. Ян протянул руку, и девушка сковала ее ледяными пальцами:

«Ты пришел, не ожидала увидеть тебя так скоро».

Ангел уважительно склонил голову:

«Я не смог вспомнить первую встречу, но чувствую – она была».

«У тебя еще есть время, а затем... помочь мне выбраться из мира теней, где я всего лишь дух», – она окинула тоскливым взглядом лесную чащу. – «Эвика... так меня зовут».

Ангел погладил пряди ее холодных и нежных, словно шелк, волос: «Мое имя Ян. Но чтобы я помог тебе, ты должна хоть что-нибудь рассказать о нашей первой

встрече».

Эвика огляделась по сторонам и чуть тише продолжила: «Не я предрекла ее. Этого не должно было случиться, но связь все равно образовалась. Я помню запах дыма от сожженной листвы и по-прежнему чувствую боль».

Она приложила ладонь к своей груди. Туман вокруг них стал быстро рассеиваться, а фигура чародейки – истончаться и меркнуть; Ян попытался ухватиться за нее, но это было равносильно ловле дыма голыми руками. Ее бирюзовые глаза подернула белесая пелена, а бескровные губы прошептали последние слова: «Мы не одни».

Ангел остался посреди поляны, а в нескольких шагах от него стоял удивленный Лука.

– Ян... мне это не привиделось? Ты общался с духом?

Ангел устало закатил глаза:

«И с этим Ты просишь меня разбираться?!» – Ян воззвал к небесам и подошел к подопечному, коснувшись его плеча. – Силой ночи, заклинаю, открой мне свое сердце, – от руки отделились тонкие серебристые нити, они потянулись к солнечному сплетению Луки и опутали его.

«Мне запрещено применять черную магию, но кого это сейчас волнует».

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Норвегия

2

Сурир (франц.) – улыбка, усмешка.

3

Стиль Тюдоров – архитектурный стиль поздней английской готики, развивавшийся в период правления английской королевской династии Тюдоров. Стиль охватывал 1500—1560 годы и уступил место Елизаветинской архитектуре.

4

Места

5

Аид – в греч. мифологии божество царства мёртвых, также само царство.

6

Персефона – в древнегреческой мифологии богиня плодородия и царства мёртвых, владычица преисподней.

7

Кофейня

8

Кава по-віденськи – кофе по-венски (укр.)

9

Костел – католический храм.

10

Вечный покой даруй им Господи, и пусть вечный свет воссияет над ними. Покой. Истинно.

11

Во имя отца и сына и святого духа (лат.)

12

Ну как ты, маленькая?

13

не переживай.

14

совсем похудела, страшненькая такая стала.

15

вот и хорошо! погуляешь, развеешься, поправишься на пару килограммов.

16

Мы знакомы?

17

Конечно же знакомы! Ты что не узнал меня?! Вместе учились в политехническом колледже.

18

Как это я не узнал тебя! Сколько лет, сколько зим!

19

Я тут с компанией. Давай с нами! Выпьем пиво, вспомним прошлое!

20

Во имя отца, и сына и святого духа.

21

село под Бердичевом.

Купить: https://telnovel.me/ru/luka-karimova_/prezhde-chem-ya-umru

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)